Курс на прорыв

Автор:
Александр Плетнёв

Курс на прорыв

Александр Владимирович Плетнёв

Военная фантастика (АСТ)Проект «Орлан» #2

Тяжёлый атомный ракетный крейсер «Пётр Великий» провалился из наших времён в южную Атлантику 1982 года неподалеку от территории Фолклендского конфликта – двухсотмильной зоны англо-аргентинской войны.

Советское руководство открестилось от них, британцы объявили пиратами, и экипаж корабля был вынужден вступить в войну под аргентинским флагом.

Но когда спецслужбы США узнали о необычном происхождении корабля, янки вынудили Аргентину отказаться от его помощи и попытались захватить ценный артефакт.

И командир крейсера принял решение уходить в Тихий океан с конечной целью – база ВМФ СССР во Вьетнаме (Камрань). Но сначала надо разобраться с американцами, которые не намерены отступать и готовят широкомасштабную акцию по перехвату крейсера!

Александр Плетнев

Курс на прорыв

Тяжёлый атомный ракетный крейсер «Пётр Великий»

Что же, что со мною стало?

Я прибой, я бьюсь о скалы.

Или скалы бьют по волнам,

Или сами мы не вольны.

От силы два метра в секунду – при таком ветре океан любезен. Сталюка форштевня мощно и смачно резала волну?. Даже не волну – бирюзовую гладь, податливую, ласковую на взгляд, как нежная притягательная баба. И почему такой приятный цвет, как голубой, отдали срани человеческой – педикам?

Причём океан играл разными цветами: притягательно нежными – голубыми, салатными, утопая в иссиня-зеленой глубине переливов.

И небо! Всё того же цвета – окрыляющего, звенящего и пронзительно-ясного. Солнце уже отлипло от горизонта, пальца эдак на два. Океанская идиллия.

На мостике вахтенные, дежурный по кораблю, на руле главный старшина.

Штурман с секстантом в руке вышел на крыло погонять молодого мичмана в астронаблюдениях, заодно и координаты подкорректировать. Тут же командир, небрежно облокотившийся на планширь.

Мичман примерялся секстантом к солнцу и горизонту, диктуя отсчёт. Кап-три поглядывал на наручные часы-хронометр, фиксировал моменты измерения, занося в блокнот.

– Подождём, пусть поднимется выше, – сказал штурман, имея в виду солнце, – повторим.

– Что, Виктор Алексеевич, не ловится широта? – глядя на эти манипуляции, спросил командир. – Погодка-то….

– Затишье, как перед бурей….

– Бури не хочется, но и такое ясное небо нам на фига? Нам бы тучки поплотнее, но природа такие капризы не предусмотрела.

– Ну почему же? Может, поискать какой-нибудь завалящий циклончик или тучки-дождики?

– А ведь верно! – обнадёжился Терентьев. – Ну как засветимся?

– С утра на востоке красно? шибко было – наверняка изобилие влаги. Но там острова эти клятые английские… Озадачим наших трудяг-вертолётчиков?

– Загоняли мы летунов, но придётся, – принял предложение штурмана Терентьев.

Увидев любопытство и недоумение в лице мичмана, кивнул тому, давая добро:

– Что хотел спросить?

– Так как же это, товарищ командир, дождь поискать? Горизонт чист…

Перекинувшись улыбками с штурманом, Терентьев пояснил:

– Да тут наука нехитрая. Дать команду эртээсникам на поиск загоризонтной РЛС чего-нибудь типа гор-холмов. А так как вокруг нас сплошной океан и даже до английских островов миль двести пятьдесят, то если чего и обнаружится весомое, то это наверняка будет скопление тяжёлых дождевых облаков над поверхностью океана. И поскольку мы уже в тропических широтах, то образование оных весьма вероятно.

– Только вот засвечивать себя работой мощной РЛС нежелательно, – подключился к разъяснениям штурман, – поэтому попробуем использовать вертолётную разведку. У них локаторы имеют другой «почерк», и высота

обзорная позволит «разглядеть» желаемое.

Не прошло и получаса, как по УКВ пришёл сигнал от «камова» на левом секторе поиска, что искомые образования наблюдаются в юго-западном направлении на расстоянии 50 миль.

Несомненно – уход от генерального курса, но, пройдя эти нужные мили, уже через 40 минут крейсер поднырнул под первые клочки хмари и порывистого ветра, укрываясь на всякий случай от ползущего по орбите ока.

А потом ливанула стена самого настоящего тёплого тропического душа, которая словно вылизала и согрела все «косточки» корабля после стылых антарктических широт.

Но увлекаться не стали. Поскольку высокие ветра теперь тянули на запад, чтобы не сходить с главного направления, держались по самой кромке дождевого фронта, благо тот был основательно растянут по широте.

Время и расстояние сжиралось, наматываясь оборотами турбин и шестерёнками хронометров.

Понималось – опять забрели в такую глухомань, что командир снял боевую готовность. Частично. До уровня № 2. Ко всему надо было дать передых БЧ-5, в том числе и механизмам, гнавшим крейсер в течение шести суток при максимальных нагрузках.

Так и брели в среднем шестнадцатиузловым ходом сквозь гигантство Тихого, следуя за циклоном, а потому отклоняясь слегка к западу. Периодически в угоду акустикам сбавляли до двенадцати, а потом навёрстывали двадцатиузловым. Зато экипажи «камовых» прохлаждались наконец-то.

– На сутки-двое дольше и дальше, зато-о-о…

И Терентьев задирал голову вверх, где ползли тучки. Улыбался, ловя на лицо долетавшие тёплые капли.

На мостике его и нашёл особист. Улыбаться сразу расхотелось – не лейтенанту же. А тот как всегда держался подчёркнуто сухо, на субординации, да и не ждал Терентьев от него особо приятных вестей.

– Какие-то важные сведения, лейтенант?

– Цэрэушник знает наверняка больше, чем выложил нам. Вот что удалось ещё вытянуть из него. Я подумал, что это следует принять к сведению, как любопытную информацию, – он достал из папки пару листов формата А4 с печатным текстом, – есть и аудиозапись, а тут основное.

– Суть, – Терентьев не спешил брать листы.

– Англия, – лейтенант чуть замешкался, бросив взгляд на записи. Но не стал зачитывать, а продолжил своими словами: – Англия, как известно из эфира, обвинила нас в пиратстве и конкретно в потоплении их подлодки «Конкерор». Американцы вместе с тем по своим агентурным каналам узнали, что командир крейсера «Генерал Бельграно» получил награду и очередное звание за то же самое! Однако Буэнос-Айрес это не афишировал. В итоге в ЦРУ выяснили, что разведка латиносов намеренно подкинула британцам дезу. Далее…

– Суть ясна, – прервал его Терентьев, забирая распечатку, – есть что ещё?

– Всё!

– Можете идти.

Бегло просмотрев текст допроса, бормоча проклятья… и покруче – совершенно в непечатном варианте… не вслух… нечего сигнальщикам топырить уши. Свернул листы и засунул во внутренний карман кителя. «Всегда неприятно понимать, что тебя использовали! Пусть эта парочка Скопин – Харебов по сути спровоцировали, но! Но каковы аргентинцы, а?! И англов развели, и нас втянули. И я, блин…»

Терентьев помнил все переговоры с представителями Буэнос-Айреса, не дословно, но основные и ключевые моменты. «Аргентинцы не врали. Я бы почувствовал. Им и не надо было – предоставили подтасованные факты».

Теперь попытался воссоздать, почувствовать тогдашнее своё настроение.

«Словно вокруг нас закрутился водоворот событий, и я позволил втянуться в эту воронку. Вольно или невольно».

Уже к вечеру стало понятно, что циклон выдохся, и серая завеса разбилась на отдельные белые кучеряшки, в которых солнце благополучно и утонуло.

На руле отыграли вправо, и крейсер снова стал полого взбираться к северу, выдерживая западные румбы.

* * *

Ночь прошла спокойно, а на рассвете в «пассиве» срисовали работу локатора с северных направлений. На пределе дальности. По смещению азимута поняли – самолёт. То маякующий, то исчезающий «глазок» чужого локатора проследовал с востока на запад. Потом пропал. Через полтора часа сигнал вернулся, следуя обратным маршрутом, и, судя по усилившемуся сигналу – был уже ближе.

И в небе, как назло, ни облачка.

– Американе, больше некому, – заверил командир БЧ-7.

– А не «пассажир» на Таити?

– Это не гражданская РЛС. И потолок не соответствующий рейсовикам. Целенаправленно шарится. Смею предположить, что нас всё-таки потеряли и теперь разыскивают, – сдержанно пояснил эртээсник. – Согласен, что не очень рьяно, но представьте, какие им квадраты надо покрыть. Он, конечно, не круги нарезает, но явно расширяет зону поиска, и скоро мы попадём под его принимающие антенны.

– И чего людям неймётся? – риторически посетовал штурман.

– Такой выбор природы: лучшее развлечение для человека – это другой человек. Хотя я бы предпочёл женское внимание.

– Так у них и бабы в экипажах есть…

– Нам всё равно не оторваться при его настырности. Скоро вообще войдём в обжитые районы, – Терентьев вопросительно посмотрел на штурмана. – Пойдем ещё раз покумекаем над картой, куда нам направить свои стопы. Чего там твои штурманята интересного расскажут?

Перешли в центральную штурманскую рубку.

Младшие штурмана? склонились, нависнув над прокладочным столом. Вооружившись измерителями и карандашами, «ползали» по развёрнутой карте, сверяясь с тут же мерцающим дисплеем навигационно-информационной системы, где изображались электронные карты из будущего. По ходу они, увлёкшись, о чём-то спорили, тихо без злобы переругиваясь и не без матерка, естественно. Заметив вошедших командиров, осеклись, вытянувшись.

Дело в том, что Терентьев не поощрял мат на корабле. То есть понимал и принимал, как… как однажды выразился умничающий Скопин, «эмоциональное речевое усиление». Или, например, просто в анекдотах (как говорится, из песни слов не выкинешь), но не любил засорять речь. И подчинённых гонял.

Понимая, что нынче не до воспитательных моралей, командир поспешил разрядить напряжение, стаскивая за козырёк пилотку, дескать, разговор пойдёт в неуставном формате «беседа».

– Ну, давайте, дети линейки и циркуля, рассказывайте, что нарыли и что не поделили?

– Дело в том, – начал младший лейтенант – старший вахты, – что без лоцмана, даже имея данные из электронки, на большом ходу пройти Полинезию вблизи островов будет сложно. Мы уже имеем значительную навигационную погрешность. Конечно, проходя мимо обозначенного на карте острова – будет к чему привязаться и провести уточнение…

– А зачем совсем близко подходить к островам?

– Даже если нам сейчас не удастся обмануть спутники-шпионы, в «тени» островов (а их там сотня) можно достаточно эффективно затеряться и маскироваться от РЛС противника. И корабельных, и воздушных. Многие острова и атоллы так и вовсе необитаемы, которые посещают только рыбаки и туристы. Я это помню из рекламных буклетов турфирм.

– А ты там руссо-туристом бывал?

– Нет, по деньгам не сложилось. Но собирался, потому проспекты проштудировал.

– А это не те ли атоллы, где французы ядерные испытания проводили? – снисходительно спросил штурман и хмыкнул, надменно глядя на зависшего младлея. – Вы, салаги, по туристическим картам будете прокладку проводить? Стратеги-тактики, блин. А ну дай взгляну!

Мыча какую-то мелодию, штурман бегло пролистал журнал с картинками. Потом раскрыл на дисплее свои электронные карты.

– В общем, не бои?сь, сейчас никаких испытаний не проводят. А значит, и на Таити всё спокойно – у французов там база ВМФ. На ходу от силы пара корветов и патрульный фрегат. Мы туда, естественно, не пойдём. Но мысль (спрятаться) здравая. Только, пожалуй, вот тут – архипелаг Тубуаи.

– Есть где отстояться? – заинтересовался Терентьев.

– Первым плюсом – близко, вторым – необитаемые скалы. Но лоций нет, – сразу осадил штурман.

– Так! – Задумался командир, уставившись на карту. – Торопистикой пока заниматься не будем! Если разведчик и появится, то на раковине. Мы сразу отворачиваем к югу, увеличивая дистанцию. На среднем ходу через час – час двадцать будем у этой группы остовов, Маро… – Терентьев стал хлопать себя по карманам в поисках очков.

– Маротири, – быстро прочитал название младлей.

Гладко не получилось – пост радиотехнического слежения выдал пеленг на работу РЛС с неприятной дистанцией.

– Он взял много южнее!

– Так! Аллюром! – Командир и штурман уже в ходовой рубке.

Переложен руль. Поворот циркуляцией влево. Машинный телеграф отзвякал «самый полный».

Уже через двадцать минут сигнальщики доложили, что в визир наблюдают по курсу остров. Пока ещё чёрным пятнышком на горизонте.

– Успеваем? – Командир вперился в оператора поста РТС. Получив внятное подтверждение, успокоился. – Отлично!

– Нервничаешь? – Штурман возился со своими линейками на карте. – Нам лучше укрыться за так называемым островом Южный. Увесистая скала, даже выше наших мачт. Точные координаты острова имеем, теперь и привязку.

– Не нервничаю. Просто волнуюсь. Почувствуй разницу, – Терентьев попытался найти остров прямо из рубки, подняв бинокль, но было ещё рано для его кратности.

Ещё через двадцать минут из единой цели можно было определить отдельные сегменты, выделяя отстоящий чуть в стороне искомый Южный.

Вскоре вся группа островов уже чётко просматривалась невооружённым глазом, кроме только что дальнего – Западного, прикрытого (из-за курсовых углов корабля) частично Центральным.

– Теперь внимание на эхолоте! Обойдём слева, потому что от центра группы скалы и рифы.

Показание на лаге опустили до 12, затем 10 узлов, пришлось даже отработать «малый задний», пока крейсер не стал аккуратно ползти на 5 узлах, сразу потеряв маневренность, став безобразно неуклюжим на малом ходу.

Теперь в рубке особо громко выделялся голос старшины, следящего за показаниями эхолота.

Обогнули остров вокруг южной оконечности, и дальше уж совсем ползком, немного доворачивая на западную сторону.

– Видишь, слева скала!

Чёрный «окурок» был едва заметен, но белый бурун выдавал опасность налицо.

– Между островом и этим рифом, вероятно, проходит изобата.

– Есть донный подъём, – известил старшина за экраном эхолота, – но проходим с запасом и по обоим бортам.

Несмотря на показания навороченной аппаратуры, не доверять которой было бы странно, всё равно почему-то бродил неприятный холодок опасения зубовного скрежета днищем о скалы. Мало ли…

– Приготовиться отдать якорь!

Штурман, не мудрствуя, взял пеленгом торчащую наивысшую точку острова и вовсе не на глазок определял расстояние до места.

– Отдать правый! – приказал командир и тут же команда на бак: – Не задерживать якорь-цепь!

Машинный телеграф дважды отыграл на «Стоп». Эту же команду репетовали в ПЭЖ.

Теперь поддерживали связь с баком, постоянно подтверждая им, чтобы не задерживали якорь-цепь, докладывая, сколько метров на клюзе.

По показаниям эхолота – глубина места 50–70 метров.

Как только машины забрали, инерция крейсера стала снижаться. После команды «выбирать якорь-цепь!» корма продолжала медленный дрейф, в свою очередь нос корабля становился на ветер.

Штурман смотрел на свои ориентиры.

С бака доложили:

– На клюзе двести!

– Отдать левый!

Влияние ветра резко ослабло. Крейсер стал на оба якоря.

Конечно, воздушная обстановка, пусть и в пассивном варианте, не оставалась без внимания. Но пока происходило опасное маневрирование у скал, контроль за самолётом противника был отдан на откуп вахте РТС, оператор которой, не повышая голоса, регулярно доносил о местоположении воздушного разведчика.

Импульсы чужого локатора «оседали» на приёмных антеннах корабля, позволяя по силе сигнала и смещению пеленга на источник отслеживать траекторию полёта носителя.

Оператор монотонно бубнил все принимаемые характеристики, выраженные в скучных цифрах, тогда как Терентьев, вернув своё участие в проблеме, мог выразиться более непринуждённо:

– Спокойно идет, не дёргается!

– Пеленг – десять, – выдал свои очередные оператор, – цель классифицируется – РЛС AN/APS. Предположительно Р-3 «Орион».

– Кто бы сомневался.

В рубку торопливо вошёл командир БЧ-7. Он быстро расстелил свою карту поверх штурманской, где на скорую руку красным карандашом были начерчены линии:

– Вот смотрите, анализ говорит о том, что Р-3 совершает поиск-змейку в своём квадрате с шагом по долготе примерно 250–300 кэмэ. И следующий раз он пройдёт очень близко. Я допускаю, что «в тени» острова своей РЛС он нас и не видит, но телевизионная система и возможности оптики на борту Р-3… – он не договорил, но всем и так было понятно.

– Насколько «очень близко»?

– Сто – сто пятьдесят.

– Постоим, – решил Терентьев, – следить за ветром.

Хотел уточнить время пролёта «американца», но и сам примерно прикинул, сколько ждать: «Постоим, куда ж мы денемся. Если сейчас выползем из-за этого “пригорка” – уж точно будем обнаружены».

Почему-то тянулось время в ожидании.

«Может, из-за этих пресловутых “ждать-догонять”? И неопределённости. Ну, пролетит, ну, заметят… это ж не атомная бомба в огород?! Рано или поздно мы всё равно бы засветились».

Терентьев, внешне сохраняя невозмутимость, сам не замечал, что выдаёт своё нетерпение – украдкой поглядывая на часы, не обращая внимания на оставленные буфетчиком чай и бутерброды. Последним фактом, кстати, немало напрягал кое-кого из офицеров. И если штурман не заморачиваясь прихлёбывал из кружки, не отказывая себе и в перекусе, то вахтенный, косясь на всего такого хмурого и бдящего командира, сдерживался.

Смешно было наблюдать за дежурным по кораблю, который тишком стянул бутерброд с подноса и «замял» его, отойдя в сторону.

Разрядил обстановку старпом. Скопин ветрено вошёл в рубку, смахнув на лету закуску, разразился чередой вопросов и комментариев:

– Кого стои?м? Кому ждём? О! С тунцом (о бутерброде), а нас, героев израненных, овсянкой душат там. Что за остров? Где пальмы и экзотические аборигенки? Долго будем стоять? В этих местах, говорят, прекрасная рыбалка!

Видок у старпома был ещё тот: пилотка надета скособоченно, чтобы скрыть выстриженные волосы вокруг ран, надетая под расхристанную «больничку» тельняшка, а чёрная повязка на глазу придавали ему пиратское обличье. О чём ему не преминули сказать.

Тот довольно осклабился (видимо, зная) и, поддерживая образ, закаркал:

– Пиастр-ры! Пиастр-ры! Мы на этом острове будем прятать свои сокровища? Пономарёв уже прививки тропические ширяет.

– Что у тебя с глазом? – Терентьев тоже попался на этот бурный оптимизм, но счёл нужным восстановить дисциплину. – Смотрю – уже носишься. Идёшь на поправку?

Скопин сразу слегка поскучнел:

– Ты знаешь, так-то получше, но когда башкой резко поведёшь – глаза, блин, разъезжаются, – и подмигнул, не унывая. – А мне кликуху «Косой» получить не очень-то хочется!

– «Как что, так сразу косой», – тут же поддакнул цитатой штурман.

– Но-но! – весело зыркнув, укоротил Скопин. И продолжил допытываться, наскоро оглядев карту с прокладкой и тут же разложенные наброски эртээсника. – Что у нас с обстановочкой?

Разъяснили, описали, показали. И про «подвиг разведчика» с признаниями цэрэушника, и про озарения эртээсников со снарягой «камова». И нынешнюю диспозицию.

Было видно, что, несмотря на принятые решения, Терентьева очень интересует точка зрения его старшего помощника.

Скопин минут пять только вникал, потом выдал, почесав небритость подбородка:

– С «Орионом»-то явно решится не за полбутылки коньяка, а за триста водки!

– Это как? Ты тут не эзопничай… навёл тут, понимаешь, аллегорий.

– Потому что полбутылки коньяка можно растянуть на пару часов, а триста водки – два маха по сто писят и всё! – продолжал в том же духе Скопин. – Если они нас «срисуют», то это сразу будет понятно – совершит облёт. А вот по поводу всего остального… Н-ндя-я! И где тот безымянный, наверняка грустный в своей будке пёс?

– Какой пёс? – Полное недоумение.

– А тот, который «а пёс его знает?».

Терентьев готов был уже закипеть, когда, наконец, услышал нечто дельное.

Взглянув более внимательно на карту с «трудами» эртээсника, потом оценивающе на угрюмый серо-коричневый Южный, старпом скривился:

– С нашей позицией и угол места-то ни к чёрту, так ещё и курсовой у «Ориона» будет такой, что он на подходе корму разглядит, а на удалении – нос, как бы не вплоть до полубака. Островок-то с полкилометра в поперечнике, не больше…

Взяв бинокль, он ещё раз осмотрел остров:

– Судя по следу водорослей – отлив. Ближе стать никак? Хотя поздняк метаться. А сколько на клюзе?

– Двести.

– Сейчас 250, – поправил вахтенный.

– Ветер?

– Устойчивый, восточный один-три метра в секунду.

– Погоди, – догадался штурман, – ты хочешь на якорях подать чуть вперёд, типа прикрыть «хвост», э-э-э… корму, а потом просто травить цепь, прикрываясь островом с острых углов.

– Ага, – просто ответил Скопин. Взгляд его вдруг стал рассеянным – мазнув по пакетикам чая, перетёк вопросительно на вестового:

– А кофейку нет? Может, сварганишь?

А в рубке тем временем опять стало неспокойно. Дежурный доложил, что американцы возвращаются – пост РТС снова ловит работу локатора «Ориона». Командир незамедлительно дал команду на бак – «выбирать цепь». Пришли в движение якорные лебёдки, и крейсер начал медленное и незаметное движение вперёд.

– На клюзе 150! – вскоре доложили с бака.

– Стоп! Готовность номер один.

Вернулся вестовой и не с абы чем, а с самой натуральной туркой, парящей свежесваренным кофе.

– М-м-м, – в удовольствии замычал Скопин, наливая себе в чашку, – уважуха, благодарю.

– Э, оставил бы, – возмутился штурман, плеснув себе практически одни осадки. Но раздолбай с повязкой на глазу быстро ретировался на крыло мостика под взглядом командира. А тот гаркнул:

– Так, собрались!

И как это обычно бывает в ответственные моменты, ползущие минуты побежали.

* * *

Помимо РЛС-поиска, экипаж Р-3 вел и визуальное наблюдение – пилоты в курсовом секторе, а кому положено и вкруговую. Прекрасно понимая, что серый силуэт искомого крейсера будет сложно разглядеть на фоне океана, высматривали характерный кильватерный след. Белый и хорошо заметный. Иногда случалось кого-то засечь, и даже делали нырки, чтобы поближе рассмотреть, но… Но попадались только сухогрузы, траулеры и прочая мелочь. Которую, кстати, оперативно распознавали и ради нее (мелочи), естественно, не утруждались сменой потолка.

Параллельно и непременно на борту работала низкоуровневая телевизионная система. Видимость была, как говорится, «миллион на миллион» и дальность сканирования отрабатывала на максимальных параметрах.

Проходя маршрутом по линии параллели, к северу от островов Тубуаи, радар, наконец, поймал что-то крупное в курсовом секторе. Чтобы лучше рассмотреть подозрительное судно, опустились до пяти ста и… разочаровались – длинная бандура контейнеровоза!

Именно на этом участке полёта по правому крылу на удалении 150 километров находились острова Маротири.

Телевизионная система даже частично «сняла» торчащие над скалами антенны крейсера, но автоматизированная обработка данных не нашла аналогий.

* * *

Я вина налил,

Но налил в песочные часы.

Я вину делил,

Бросив всё Фемиде на весы.

Кофе быстро остывал, и Скопин уже не тянул с кайфа?ми – дохлёбывал, стараясь ухватить последнюю порцию именно «горячего и бодрящего». Увидеть самолёт с мостика было нереально – далеко, и однозначно остров перекрывал обзор, особенно после того, как крейсер сманеврировал на якорных цепях.

«Вон, даже сигнальщики не особо утруждаются с мощным оптическим визиром».

Поэтому взгляд невольно и лениво блуждал по ближайшему объекту, торчащему из воды.

Вблизи остров всё же не казался таким уж огрызком-маломерком – тёмный у основания (на линии прибоя), далее серый с вкраплениями коричневого и зелени. На первый взгляд совершенно безжизненный, потому что не было даже вездесущих чаек, но потом-таки удалось заприметить осмелевших вспархивающих накоротке пичуг.

Чуть в стороне отлив оголил парочку близлежащих скалистых клыков, о которые взбивала пену мерная волна.

На фоне чистой синевы океана и солнечного неба просилась красавица-пальма, песочек пляжа, но из воды торчали только вот эти… Унылые.

«Словно зубы-пеньки старушки Земли, а дантист Посейдон обтачивает их вечно неспокойным инструментом».

Послышалось громыхание в клюзах, и стало казаться, что остров медленно поплыл вперёд.

Затем звук цепей прекратился. Встали!

Смотрел, прищуриваясь от солнца, поверх острова, выше и чуть по сторонам – не появится ли точка самолёта.

Оттомились минуты – пятнадцать, двадцать…

«А вражина так и не припёрся. Больше переживали…»

– Никого? – спросил у сигнальщиков.

– Никого, товарищ капитан второго ранга! – Блеснули зубами в ответ, опуская бинокль. И враз встрепенулись на пол-оборота, с докладом, с вытяжкой, как положено – командир пожаловали.

Терентьев источал доброту. И даже вопрос-ответ с сигнальщиками продублировали тот же самый, из советского мультика, если отбросить мелочи субординации:

– Никого?

– Никого!

А он и сам в курсе – эртээсники всё доподлинно и чётко выложили.

Терентьев источал доброту, со смешливым прищуром глядя на своего помощника:

– А ты не так-то и бодрячком, как хочешь показаться…

– Спал плохо, мысли ворочались в голове – ворочали всё тело. Так и крутился всю ночь, сминая подушку. И сны ж такие дурацкие снятся… Как такое безделье на больничной койке, так уж лучше выпахиваться грузчиком в порту – бессонница замучила.

– Что снилось?

– А-а-а, – отмахнулся Скопин, – сны рассказывать бессмысленно.

А сам вдруг задумался: «Ведь действительно – совершенно бессмысленно рассказывать кому-либо свои сны. В лучшем случае будешь недослышанным. Это для тебя лично сновидение оставило значимые впечатления в подкорке головного мозга, ты его пережил, а для слушателей – это всего лишь сон, нереальность, да ещё и чужая. Тем более что сон никогда не удастся

пересказать так, как он привиделся. А дальше после пробуждения с каждой секундой яви теряется ощущение причастности к тому субъективному восприятию образов. А вскоре и вовсе забывается».

Хотел то же самое – вслух терпеливо молчащему командиру, но понял, что так связно уже не изложит. Поэтому отделался коротким:

– Какой толк.

– Ну-ну, – хмыкнул Терентьев, сделав свои выводы: – Эро-отика!

– Если бы… – Но рассказывать не хотелось. Чувствовал: «Что-то не так. Или наоборот – слишком “так”. Не хватало ещё выглядеть, как ильф-петровский персонаж с её “Эпполэ-эт, сегодня я видела дурной сон”».

Потому перевёл тему, расстегнув последние пуговицы на больничной робе:

– Ты смотри, а припекает. Даже океан слегка пари?т.

– Ты бы ещё зимний тельник поддел…

– Долго ещё тут будем?

– Полчаса. За это время Р-3 уйдёт за радиогоризонт. Снова нарисуется через два. Скорость он держит меньше патрульной… примерно триста.

– Горючку экономит?

– Скорей всего. Наверняка и на двух движках идёт.

И снова старпома кидает по теме:

– Это ж сколько мы на полном ходу пёрли? Движки «стружку» не погнали?

– Да ладно тебе… – с неуловимым укором протянул Терентьев, – техника старая, но крепкая, проверенная.

Однако после небольшой паузы счёл нужным уточнить:

– Давал я соответствующую команду на дивизион движения. Всё нормально.

И Скопин, наконец, выдавил из себя то, гнетущее, сидящее занозой в (или на) совести, елозившее головой по подушке перед и во время сна:

– А ведь мы могли уйти. Сразу. Не втягиваясь в заваруху с «Конкерором». И не было бы жертв.

– Да, – отстранённо согласился командир, также рубя фразами, – а может, и нет. Или ещё чего хуже. Было бы.

– Моя вина…

– И тут спорить не стану, но… – Терентьев достал из кармана листы с допросом цэрэушника. – Ознакомься.

Старпом, нахмурив лоб, вчитался. Закончив, единственное, что мог сказать:

– Во накрутили!

– Ага. Так что и моя вина – как командира в целом, в частности да и вообще… Бросишь тут с вами, – Терентьев достал сигарету. Нервно чиркал зажигалкой, закурил, буквально в две затяжки. Потом так же резко затушил. – Так что не думаю, что всё настолько однозначно и просто… чтобы провалиться в прошлое, на траверзе военного конфликта и выйти сухими из воды, да не замаранными в крови… или в чём похуже.

* * *

Остров Южный, как и вся группа Маротири, оставался в своих геокоординатах, унылыми базальтами возвышаясь над поверхностью океана. И будут эти острова так же торчать, постепенно подтачиваясь волнами, выветриваясь пассатами, опаляясь солнцем, ещё, может быть, сотни лет, если не проснётся вулкан, положивший им основу.

А случайный гость, наконец, загрохотал на клюзах, завыл турбинами, начав медленное, всё ускоряющееся вращение винтами. Забурлив водой у среза кормы, взбивая пеной и кавитационными пузырьками, толкая тонны водоизмещения, величаво и стремительно, по мере удаления от опасных банок, набирал полный ход.

Американе

Никто, конечно, не заикался о какой-либо мистике – затеряться на просторах Тихого океана вполне допустимо, даже кораблю длиною в 250 метров в сопоставимом водоизмещении.

Все лица: ответственные, участвующие и просто заинтересованные в проведении операции, названной незатейливо «Vagrant»[1 - Vagrant (англ.) – бродяга.], были уверены, что рано или поздно «тяжёлый крейсер-бандит» будет обнаружен. Лишь некоторые, особо волнующиеся делали оговорку «пусть… пусть не рано, лишь бы не поздно».

А хранили свой главный секрет-гипотезу о происхождении «объекта» в какой-то степени вполне оправданно – чтобы не прослыть законченными фантазёрами. И круг посвящённых был очень узок.

Начальник штаба морских операций в тихоокеанском регионе также не был приобщён к этой цэрэушной тайне, поэтому относился к операции «Бродяга», как: «Да! Незаурядной! Да! Дерзкой!» Но не трясся в нервном ожидании – когда же этот проклятый «русский» найдётся и куда он, чёрт побери, мог запропаститься!?

Как реалист, допускал, что планируемая акция откровенно агрессивная и может привести к серьёзному военному конфликту с Советами. «Но ведь “проглотил” Кремль попытку захвата корабля у этих… как их… в общем, находящихся где-то там, в заднице плешивого пингвина островах? – здраво рассуждал адмирал. – И ничего! Ни нот протеста, ни выхода красных эскадр из баз, ни откупориваний крышек межконтинентальных ракет».

И догадывался, что наверняка есть факты, о которых он не знает. Но будучи человеком военной дисциплины, не лез со своим любопытством раньше времени. Считая, что когда надо, его так и так посвятят. А по поводу потерянного крейсера-бандита? «Ну и ничего, что обнаружить “русского” пока не удаётся, – рассуждал адмирал, развалившись в своём кресле, – количество, как известно, перерастает в качество. Не удивлюсь, если вскоре нужная нам информация посыплется сразу из всех источников: воздушной, надводной, их хвалёной космической разведки. И даже сторонние торговые корыта наверняка проявят инициативу». И был прав.

Первый «звоночек» пришёл от базовой патрульной авиации. Экипаж P-3 «Ориона», патрулировавший зону Французской Полинезии, по возращении на место базирования выложил данные самописца и записи изображения (десяток видеокассет), которые были подвергнуты повторной обработке и анализу. Естественно, просмотр видеоматериала потребовал немало времени, но дал свои результаты – то, что не распознала автоматизированная система обработки данных, смог зацепить обычный человеческий непредвзятый взгляд.

– Бадди, ты у нас спец по тропикам. А ну-ка взгляни на эту картинку – это дымка или птицы над островом? – Оператор остановил «play», и сразу два любопытных рыла уставились в экран.

– Подкрути контрастность.

Изображение поплыло, рассеялось, снова набрало чёткость до максимальной кондиции.

– Вот ублюдство, Стив, по-моему, кто-то хитро? спрятался за этим булыжником! – Очкастый капрал быстро извлёк несколько фото с русским крейсером, разложив гирляндой, акцентируя своё внимание на самые верхушки антенн, – и мы это получаем с запозданием в двенадцать часов! Срочно звони наверх!

– Так ночь!

– Приказ был – в любое время!

Не прошло и пяти минут, как офицер по тактической координации предоставил экстренный доклад командующему штаба морских операций в тихоокеанском регионе, которого, естественно, подняли с постели.

Потом поступили снимки из нацуправления фоторазведки. Запоздалые (время на момент съёмки было ещё пополудни прошлого дня), но не менее важные, хоть и не очень чёткие – поверхность океана заволокло маревом из-за высокой температуры воздуха и испарений. Но, казалось бы, неудобный боковой ракурс позволил определить по профилю – вот он! Искомый объект! Ценной информацией в оперативном штабе сочли длинную и хорошо видимую кильватерную полоску, указывающую направление движения корабля.

– Ни о чём особенном это не говорит! Лишь только то, что тактическая группа у Сан-Диего, как и вся континентальная береговая охрана, могут расслабиться, – почти будничным тоном возразил позёвывающий командующий штабом на энергичную реакцию офицеров, – как и большинство бездельников тут – «русский» явно собирается обойти Пёрл-Харбор стороной. Это единственные снимки из космоса?

– Спутник низкоорбитальный, время вращения вокруг Земли – два часа. Но его орбита проходит в более восточной меридиональной плоскости. То есть, как вы видите, снимок сделан под углом к поверхности Земли. И чтобы оптически отсканировать цель, сателлиту надо пронзить оптикой более толстый слой атмосферы… но вот это марево… при повторных пролётах уже ничего не было видно. В общем, такая вот орбитальная механика.

Адмирал кивнул, принимая объяснение.

– Следует ли подключить французов? – спросил офицер по тактической координации. – Насколько нам известно – все их патрульные силы флота на данный момент находятся на базе в Папеэтэ, Таити.

– Перехватить «русского» у островов Туамоту? Возможно. Если только он не сменит курс.

Крейсер

– Петляем, как зайцы, – с мягким сарказмом ворчал командир.

– Надо уйти в оптимально диаметральном направлении от чужого радара, – безапелляционно обозначил командир БЧ-7. И ему поддакивал штурман.

– Спелись, – в том же тоне констатировал Терентьев, поглядывая на карту с тут же прорисовываемым курсом. И конечно понимал, что в целом манёвр правильный – отслеживая перемещение сигнала самолётного радара, держаться к источнику облучения минимальным ЭПР[2 - Эффективная площадь рассеивания.]. То есть не показывая профиль, подставляясь исключительно кормой. Типа «вах, вах, савсэм незамэтно».

Поэтому штурман, едва антенны корабля «поймали» РЛС «Ориона», сам стал на управление и, получая доклад с поста РТС с пятиминутным интервалом, перекладывая рули на минимальные градусы, выписал тем самым эдакий разнодужный зигзаг, прежде чем положил крейсер на выбранный основной курс.

А до этого момента, то бишь от группы островов Маротири, «Пётр» прошёл почти строго на норд целых 70 миль, лишь слегка забирая к западу. А командир, заглядываясь за остекление рубки, где миновавшее зенит солнце нещадно выпаривало океан, говаривал:

– Единственное, что мне нравится, так это марево. Ещё полчасика, и полностью будем недоступны для фоторазведки.

Терентьев не знал, что именно на том прямом рывке от Южного пролетавший низкоорбитальный спутник уже сделал своё «чёрное» дело.

Самолёт-разведчик, наконец, провалился за радиогоризонт, и нос корабля повернул на генеральный норд-ост.

– Знатная закорючка получилась! – в который раз окинув пройденную курсовую кривую, заявил штурман. – Теперь бы день достоять, да ночь… а ночь, я думаю, обойдётся без неожиданностей.

Без неожиданностей не обошлось.

* * *

На мостик заступил Скопин, уже приведший себя в порядок, однако так и не снявший свою чёрную повязку на глазу.

– Надо что-то с символикой делать. Я про российские гербы и прочее, – предложил он командиру. – А? Или оставим всё как есть? У боцмана, оказывается, в загашнике и краснофлотский гюйс имеется… В конце концов, этот корабль уже носил его…

– Кормовой флаг оставим, – после недолгого раздумья проронил Терентьев, – нас будут встречать, в том числе и замполиты…. Андреевский ещё куда ни шло, а вот царский герб косточкой им в горле запершит.

– А шевроны? Не отпарывать же?

– Согласен. Но где у нас гербы намалёваны – надо бы убрать.

Тропическое марево, расползшись над океаном, проникало и в чрево крейсера, в основном томя влажностью и жарой. И не только в машинном, котельных и прочих помещениях, где грелись блоки аппаратуры.

Погнали воздух вентиляцией и кондиционированием. Жара донимала, особенно тех, кто был занят делом. «Тропичку», видимо, успели получить не все. На палубе и ярусах надстройки сновали матросы, выглядевшие весьма вольно, если не сказать пёстро. Кто в зимней робе на разный манер: оголив торс, повязав рукава вокруг пояса или просто расхристанно, закатав по локоть, кто в тельнике, кто уже довольствовался лёгкой одеждой.

Не редко под пилотки и кепи поддевали белые одноразовые полотенца – наподобие бедуинских накидок.

Командиру это безобразие на глаза особо не попадалось, кроме матросика, который нарисовался с банкой краски на крыле сигнального мостика. Впрочем, увидев командира, тот быстро привёл себя в порядок. Свесившись за планширь, он собирался закрасить щит с двуглавым орлом, когда выглянувший из рубки Скопин остановил его потуги с кисточкой.

– Э-э! Боец! Может, проще открутить эту «беду». Всего несколько гаек…

Окинув взглядом суету на палубах, старпом вспомнил, какая у него должность и чья обязанность всё и вся контролировать.

– Бардак! Где боцман? Почему «тропичку» не всем выдал? Бедуины-разгильдяи, тит вашу мать.

– Ты на себя посмотри, – иронично заметил Терентьев, – «Кутузов». Повязка не натирает? Она у тебя вроде на левом глазу была? Тебя чуть подрихтовать и на обложку советского блокбастера «Пираты XX века» с гиканьем «на абордаж!». Сплошной экшн! Начиная с «Конкерор» и далее по порядку, да по нарастающей… – Последнее он уж скорее пробормотал.

– Не надо меня рихтовать, – Скопин аккуратно потрогал следы гематом, – мне без разницы, какой глаз прикрывать. А экшн? А народ любит экшн! Скажем… нечто броское, даже экстравагантное. Да что там говорить – об этом все повести и киноленты! Только представь – погибнет земная цивилизация, прилетят инопланетяне на раскопки нашей былой жизни. Найдут фильмы, книги… а там сплошные во?йны, страсти-трахи, зомби и прочая хрень. «Вот жили эти люди!» – подумают! А?

Командир не ответил – прибыл вызванный боцман. Старший мичман без всяких оправданий молча отсопе?л выговор старпома и незамедлительно растворился.

Затем матросик-срочник, пыхтящий с гаечным ключом (резьбу на шпильках так обильно замазали краской, что гайки скручивались с превеликим трудом), наконец осилив последнее крепление, доложился. Получив от старпома «молодец», с лицом двоечника, заработавшего вожделенный «уд», загремел щитом с гербом и своими инструментами вслед за боцманом.

Вскоре ветер донёс со шкафута обрывки «трёхэтажного» боцманского усердия, принявшегося наводить дисциплину, где самым литературным было «папуасы».

Терентьев, не любивший мата, скривился, на что Скопин иронично попытался оправдать мичмана:

– Боцман на корабле, как сантехник на гражданке – без прикола и мата не проживёт.

Неожиданно и громко ожили висящие за спиной громкоговорители корабельной связи – вахтенный офицер просил командира в рубку.

Получив свой пинок целеуказания, «затанцевали» у визира сигнальщики, разворачивая устройство на указанный пеленг, возбуждённо загалдев: «По-моему, что-то есть!»

Снова высунулся наружу Терентьев, и старший сигнальщик тут же отчитался:

– Пеленг 360. Видимость на пределе. Что-то длинное и низкое!

Крейсер стал едва заметно уклоняться на румб влево.

– Служба радиоразведки перехватила передачу, – пояснил командир Скопину, – какой-то мэрчантшип – торгаш водоплавающий. И РЛС у него, вероятно, не круговая – только и словили слабый сигнал от «боковых». Не думаю, что у него оптика лучше нашей, но нам этот свидетель не нужен.

«Пётр» по-прежнему шел, не включая свои РЛС – в пассиве. Давя 30 узлов, сумел нагнать тот самый контейнеровоз, ради которого «приседал» «Орион». Судно было старое и ползло, едва покрывая 8 миль за час, направляясь в порт Папеэте на Таити. В жарком мареве тропических широт видимость была не более 30 кабельтов, и контейнеровоз выдал себя лишь радиообменом и слабым сигналом паразитных боковых лепестков курсового радара.

* * *

Ночь навалилась скоротечно, раскинув чёрную скатерть неба с ноздреватым «караваем» луны, накрошив звёздами, а по краям (по горизонту) бахрома марева, на удивление не осыпалась росой.

Влажные испарения наоборот – загустели, стелясь над океаном, продолжая нервировать сигнальщиков.

Рисковать не стали, периодически кратковременно включали навигационную РЛС и ловили признаки судоходства, по характеристикам говорящие о себе как о сугубо гражданских судах. Хотя вблизи крейсера никого не наблюдалось.

Понятие «затерялись» можно было бы применить, если обозреть Тихий с орбиты… и не особо изощрёнными средствами. Или с самого низу – с борта корабля. Когда от горизонта до горизонта беспросветные мили и ни одного островка-берега и судёнышка.

Классик, воспевающий, как «тиха? укра?инская ночь», даже не подозревал, как тиха? тропическая. Даже диспетчеры управления воздушным движением международного аэропорта Фаа?а (что на Таити) свели вещание до минимума. А с горизонта слизнулись любые посторонние локаторы.

Вахта КП РЭБ (командного пункта радиоэлектронной борьбы), заступившая в 20:00, ещё застала красный шар солнца, заметными миллиметрами оседающий в океан. Затем смена. И вымученным бдением последовала та самая нелюбимая «собачья», которая в том же нудном режиме почти уж и истомилась, как по закону подлости в самом конце выдала нежданный напряг.

* * *

В рубке полумрак. Старшим был Скопин. Ночная вахта почти «просвистела», незаметно и спокойно, за чаями-кофеями, ленивыми разговорами, вконец разморив старпома, бессовестно засвистевшего рулады в командирском кресле.

Утро колышет коварно (нас – спящих) предательски давящим мочевым пузырём, провоцируя стадию сна со сновидениями. Хотя до восхода было ещё не менее часа.

Скопин дёрнулся, подавшись вперёд, блеснув белками в свете приборов, съехал с кресла, застыв вопрошающей статуей:

– Ёпть!

– Что такое? – одновременно с подколом и участием спросил вахтенный – молодой лей[3 - Лей – лейтенант (флотский жаргон).].

– Да, блин, приснилось… колокола «громкого боя». Фу ты! Думал, «боевая».

– Это не «колокола», а скорей бубенцы твои тебя подняли. Что там за бабёнка боевая приснилась?

– Ох, – уронив взгляд на выпирающую ширинку, почувствовал себя дурацки. То, что выглядело своего рода бравадой перед женщиной, в мужской компании показалось нелепым выпячиванием.

– Ща я, – неоднозначно давая понять, что направляется в гальюн, Скопин у двери обернулся и выложил с непонятным выражением лица: – Ну, было… стои?т такая, со спины, ножки стройные, юбчонка короткая по самое «не хочу». Всё понимает, чувствует, но не оборачивается. Зато изогнулась, чуть наклонилась, вообще приоткрыв то… на самой грани: где ещё ноги, уже попка и самое пикантное – манящим затемнением в плавном перекрестье. Так и захотелось ей туда… под хвостик.

– И? – тут же завёлся лейтенант.

– Я ей: «А если тебя соблазнить?»

– А она?

– А она: «Потом видно будет!»

– А ты?

– Говорю: «Когда наступит “потом”, как только станет “видно”, пусть “будет” то, что будет!»

– Красиво! А дальше?

– Да, блин… знаешь, как во снах бывает – засада. Она оборачивается и… преображается, превращаясь в буфетчицу нашей столовки… как её?

– А-а, Зина, – со знанием дела подсказал лей и разочарованно: – И всё?

– Да в ней же центнер…

– Не нравятся толстушки? – скалясь.

– Нафиг! У женщины и без того хватает пикантных складок, чтобы перебирать ещё и жировые.

Лейтенант, продолжая глумливо ухмыляться, показал одобрительный большой палец.

– Вот она-то, Зина эта, пасть и открыла сиреной «громкого боя». Проснулся.

– И торчит…

– Да иди ты… – старпом, наконец, скользнул за дверь, отправляясь по своим надобностям.

А вернулся – летёха уже принимал данные эртээсников.

– На станции РТР «отбилась» отметка, – посвятил он в проблему старпома, – прямо по нашему курсу. Слабый (сигнал, я имею в виду), но вполне чёткий. Обычная навигационная РЛС, судя по параметрам.

Скопин доложил на ГКП, пока не находя особой проблемы, ожидая. На всякий случай уточнил обстановку в радиоэфире – молчок и повода для беспокойства пока нет.

– Периодичность доклада – пять минут.

– Есть.

– Сигнальщиков предупредили?

– Так точно.

Проходит первая пятиминутка с докладами по цели, затем вторая: параметры, пеленг, сила сигнала, которая неизменно растёт.

Наконец реагирует ГКП, уточняя в информационном центре классификацию цели и время её первого обнаружения.

Вот тогда становится понятен предмет беспокойства: почти двадцать минут наблюдается в курсовом секторе работа чужого локатора, дистанция до которого устойчиво уменьшается (потому как сила сигнала растёт), а собственная РЛС («Вайгач»), пусть на кратковременном включении, но ни фига не видит!

Тут ГКП голосом Терентьева выходит напрямую на КП РЭБ, требуя доложить целевую обстановку.

Скопин переглянулся с вахтенным.

– Они что, командира с койки подняли?

Ситуация прямо начинала накаляться. Уже явно вся вахта (ГКП, БИЦ) в полной мере выходит из полудремотного состояния. С КП РЭБ полились данные непосредственно на ГКП, сводя интервалы докладов к минимуму.

На мостике понимают – ситуация чреватая…

– Может, врубить прожектора – пошарить?

– Командир на ГКП – ему решать.

– Что же за хрень-то такая? РЛС сами по океану не плавают, что-то же там должно быть?

Сила сигнала растёт. Пеленг начинает неторопливо уходить вправо – это «Пётр» положил рули «лево на борт». Доклад уже каждые тридцать секунд.

И тут сигнальщики в очередной раз отчитались:

– Навигационные огни на «десять»!

– Ёханый бабай, – вырвалось у Скопина.

А ещё спустя пятнадцать секунд радостный возглас радиометриста с поста РЛС «Вайгач-У»:

– Цель обнаружена!

Это был даже не сейнер! Пали?ться прожектором не стали, но разглядеть что-то удалось. Судя по фактуре борта – деревянная колымага, пыхтя дизелем, прошла в полутора кабельтовых от крейсера, даже не пытаясь уклониться или хоть как-то сманеврировать. То ли спали, то ли обкурились-перепились… но никаких «радио» от туземцев не словили, словно те и не заметили громаду крейсера.

– Абыдно, да!!! – Скорчил рожу Скопин.

– Шаланды, полные кефали… – фальшивя, пропел вахтенный и перечислил в оправдание: – Малоразмерка, деревянная, марево. «Вайгач» реально даже дистанцию неправильно выдавал.

– А ведь прикинь, боднули бы мы её (а корыто приличное), и если в буле гидролокатор не замяли, то… она ж деревянная – сразу бы не утопла. Протащили бы её до самого юта и сдуру винты ухандокали.

И рулевому:

– Право руля.

«Пётр» величаво вернулся на прежний курс.

Но на этом неожиданные встречи не кончились. Мало того что командир «накрутил хвосты», так и сами радиометристы РТО прониклись моментом. Параметрами «Вайгача» поиграли, выбрав оптимальные характеристики, и не прогадали.

Горизонт уже стал багроветь, как БИЦ выдал пеленг – ещё одна цель, идущая встречным курсом.

– У них тут что – одна «дорога»? – поразился вахтенный.

Посудина шла вообще без каких-либо технических средств обнаружения. То есть о радаре и речи не было!

– Мать моя женщина! Эта вообще идёт на ощупь!

«Шаланда» прочапала на дальности визуального контакта. Снова благодаря уклонению крейсера на правом траверзе. А поскольку солнце словно с нетерпением выпрыгнуло из-за горизонта, уже на раковине рыбацкую шхуну удалось вполне прилично рассмотреть.

На юте, где под невысокой кран-балкой были навалены сети, появились смуглые фигуры, белозубо радуясь и махая руками.

На мостике протопал командир, сразу проследовав на правое крыло.

– Эти лишенцы тебя подняли с койки? – не опуская бинокль, спросил Скопин.

– Сам проснулся, – фыркнул Терентьев, – а вы тут мух не ловите.

Старпом не стал оправдываться, заслуженно, понимая, что и под бдительным оком «первого после бога» было бы то же самое. Обстоятельства!

– Радиообстановка?

– Ты про этих? – Старпом, наконец, отнял бинокль от глаз, лишь затем, чтобы им же и указать в сторону удаляющейся шхуны. – Такое впечатление, что у них и радио нет – тишина!

* * *

День наливался голубизной неба, потянуло ветерком, разметав остатки утреннего тумана.

Ещё раз хочется сказать – Тихий океан огромен. Несмотря на то что крейсер намотал от Маротири полновесных 550 миль, хоть и не по прямой, утро застало «Петра» ещё в «объятиях» Французской Полинезии. До ближайших островов архипелага Тубуаи было 100 и 120 миль на левый траверз. До Таити все триста – на правый крамбол.

Часа три шли, вообще никого не наблюдая. Ни судёнышка, ни даже гражданского борта, следующего в аэропорт Таити. Один из сигнальщиков божи?лся, что видел чайку, что было очень сомнительно, всё-таки до ближайшего острова было не менее двухсот километров.

День обещал быть солнечным и жарким. На верхней палубе опять нашлись какие-то дела, и боцман выгнал наружу личный состав, пока тропическое солнце не раскалило металлические части корабля до нестерпимых градусов. В этот раз отцы-командиры, понимая, не противились вольностям в форме одежды матросов. Потому что сами уже в полной мере вкусили тропических прелестей и «плавились» внутри корабля, где от духоты спасали только кондиционеры, которые не всегда и справлялись, особенно в энергетических отсеках.

Матросы то рьяно (под суровым взглядом мичмана), то вяло (в халявные минуты) копошились, потея, похлёбывая воду (Пономарёв настоял), постепенно оголяя торс, тихо костеря пекло, как ещё несколько дней назад дубарь у Фолклендов. У особо расслабившихся появились солнечные ожоги, с запоздалой реакцией на сей факт боцмана, погнавшего этих (с его же слов) «дятлов» в медблок.

А потом воткнули эрэлэску, «пробежались» по кругу и ахнули. И ладно там позади кто-то телепается, да на раковинах пара-тройка меток, а вот на курсовых углах…

– Интересно, – кисло улыбнулся Терентьев, – у них тут всегда так оживлённо, или это исключительно в нашу честь? Проходной двор!

Куда-то уклоняться, сходить с курса не имело смысла – обязательно какая-нибудь посудина на пути да попадется. И не одна. Взяли на румб правее – там маячило всего пару меток, не фонящих радарами. Хотя отсутствие работы судовой РЛС чужаков ещё ни о чём не говорило.

Однако первыми на пути встретились опять лоханки аборигенов. Под мотором и с парусным оснащением, деревянные, а может и пластиковые, эти рыбацкие шхуны брались локатором едва ли за две-три мили. Сигнальщики и то узрели их раньше.

Затем прошли в нескольких кабельтовых от средненького сейнера…

А далее замаячило ещё одно непонятное судно (как потом выяснили, под британским флагом). Этот-то просвещённый мореплаватель на них и «настучал» куда там у них следует.

– Слушай, он вообще внаглую – открытым текстом… – негодовал штурман.

За стеклом рубки на правом крамболе уже не вооружённым глазом набухла тёмная точка «англичанина», а в визир – что-то среднее между торгашом под сухие грузы и прогулочной яхтой.

Приём эфира завели непосредственно в рубку на «громкую», и все слышали, как флегматичный голос на английском ворковал из динамиков, выдавая полный расклад: скорость, курс и прочие комментарии о «крейсере-бандите».

– Во! Гнида-иудушка, может, его того – глушануть РЭБ?

– Поздно, – небрежно проронил Терентьев, – но хочешь, выскажи ему, что думаешь. Мы на его частоте.

Штурман, который в английских сленгах был дока, на удивление не стал особо отрываться на инициативного бритта.

Предварительно пощёлкав тангентой передачи, сказанул в микрофон нечто в духе:

– Ну, ты! Пассивный педераст! «Биг Бэн» тебе в кишку…

Ой! Что тут началось! Английский шкипер подавился своей флегматичностью, и на принимаемой волне панически затараторило, зашкаливая амплитудами, хрипя помехой, что некоторые слова скорей угадывали.

– Ё-моё! Да он, по-моему, «мэйдэй» голосит!

Несмотря на то что с «англичанином» и так однозначно были на расходящихся курсах, тот резко отвернул, чадя из трубы, явно форсируя свои агрегаты.

– И гальюн переполняя… – не удержался вахтенный.

– «Поскакал, говно роняя…» – хохотнул штурман.

– «И исчез, Россией проклят…» – добил Скопин, сумевший незаметно возникнуть за спиной[4 - Из песни «Деревенский парень Федя» Лаэртского.].

– Тебе чего – не спится? – обернулся Терентьев.

– Не спится. Что тут у нас происходит?

– Теперь нас обвинят ещё и в том, что нападаем на мирных…

– …добропорядочных… – дополнил штурман.

– …и праведных, – поддакнул Скопин.

– …Аминь, – закончили уже в два штурманско-старпомовских голоса. Терентьев с улыбкой сохранил командирскую дистанцию.

* * *

Ждали «Ориона», но появился тот, кого уж совсем не надеялись увидеть – при более близком знакомстве оказавшийся хозяином морей здешних, французским фрегатом.

– И что будем делать? – Командир обозрел своё войско оценивающим взглядом. – Сейчас он подвалит, его ж приветствовать надо… а государственного флага ВМФ СССР у нас нет. Это наши аргентинские «друзья» на нестыковки с символикой изначально плевали….

– Или тупили… – нашёлся штурман.

– Или наоборот… – выдвинул свой вариант Скопин.

– Или… в смысле? – удивился командир.

– А если именно с их подачи нас пиратами и объявили? Флаги-то у нас тогда – ни к одной стране не относились.

Терентьев с прищуром повалял эту мысль в голове и, видимо сделав зарубку себе на память, снова вернулся к более насущному вопросу:

– Гюйс, ты говорил, у нас советский есть…

– Так точно. На гафель его?

– Халтура! А и чёрт с ними – отыграем тем, что есть. Сойдёт и гюйс, если что.

Однако «француз» не стал сближаться. Не заладилось у него. Пока ещё сходились на курсовых углах, дистанция бодро сокращалась. Потом фрегат лёг

на параллельный курс и безнадежно стал отставать. Но в эфире приветствиями обменялись.

Французы были предельно вежливы.

* * *

И только через три с половиной часа загудел «Орион» австралийских ВВС. Любопытный донельзя. Но совершенно не агрессивный. Если оглядываться на неопределённый статус крейсера, который в некоторых сводках продолжал числиться «пиратом», и весьма неплохое (по данным ТТХ) вооружение самолёта, пусть и скрытого ношения (на подвесках ничего серьёзного не заметили), «австралиец» ни разу не позволил себе выйти на боевой курс. Даже в имитации.

Р-3 зафлюгировал винты на паре моторов и кружил – то на бреющем, то забирался выше, то вдоль борта (левого, правого), то с носа, то с юта.

– Фотосессия, мля, – сразу догадался старпом, – теперь на всех вокзалах повесят наше фото, с надписью «их разыскивает милиция».

– Всё, – согласился штурман, – идиллия закончилась.

Затем австралийский Р-3 сменил американский собрат и тоже, видимо, сделал свою серию снимков с бреющего. Потом поднялся тысячи на две и прилип, нарезая круги.

– Теперь не отцепится. Сколько у него горючки?

Штурман нырнул в справочник Джейн, посопев, извлёк данные:

– Перегоночная дальность более восьми тысяч.

– У-у-у-у, зараза.

Собрались выпустить «камова», дескать: «чего это у них летает, а у нас не летает?», но с мотивировкой ПЛ-поиска, естественно.

Машину вытащили на площадку, расправили лопасти, но тут командир решил, что «поскольку всё одно мы под “колпаком”, куда нам гнать?».

Приказал сбавить ход до среднего, переходя на малый для удобства операторов ГАС «Полинома» – при нормальных гидрологических условиях (а они были выше среднего) акустики обещали обнаружение посторонних субмарин по дальности не меньше номинальных. То бишь 40–50 километров.

«Вертушку» в ангар загонять не стали. По причине, во-первых: однозначно русской лени, во-вторых – «тиха укра?инская ночь». И пусть не укра?инская, и не ночь, но штормов не предвиделось, а ве?ртол всё одно в работу пустить планировалось. А в-третьих, заметили, что засидевшийся на старте геликоптер раздражает Р-3, точнее тех, внутри сидящих.

В общем, вражины снова спустились с небес до бреющего режима и стали ждать (с камерами, не иначе) – когда «русский» коптер соизволит взлететь. А он – обманщик, стоит и стоит, лопастями шевельнул и опять застопорился. Створки ангара открылись, людишки по палубе снуют туда-сюда.

«That here these commies muddied?» Дескать: «Чё-ё-ё там эти комми мутят?»

Харебов, уже разодетый по-полётному, со шлемом под мышкой, узнал, что задание откладывается, стал споро расчехляться (жарища же). Глядя, как нахал Р-3 пролетает, едва ли не заглядывая в ангар (интересно тому, понимаешь), решил повыделываться.

Быстро кликнув технарей, на вертолётную площадку вытащили ящик ЗИПа. На эту зелёную деревянную зиповскую «скатерть» по-скорому расставили рюмахи, бутылку водки (к сожалению, пустую), рассыпали закусь и расположились вокруг на раскладных стульчиках. Стали изображать пьянку. Правда, резаное сало и огурчики, как и отшелушенные от скорлупы вареные яйца потребляли взаправду.

В «Орионе» ну точно глаза на лоб полезли. Самолёт делал заход за заходом, и так и эдак, вдоль борта, обрезая по корме, на минимальной высоте, а скорость

сбросил до невозможного, аж крылья задрожали.

– Чего это он? – удивился командир, который находился на мостике и не видел представления, устроенного на юте. – Это ж с какой он скоростью идёт?

Штурман с величием Ломоносова снова открыл справочник и авторитетно зачитал:

– Скорость сваливания – 228 км/ч при нормальной взлётной массе и с выключенными двигателями.

Тут надо сказать, амерам неудержимо приспичило разглядеть, «что же там именно пьют эти русские, водку?» С борта самолёта аж закапало слюной зависти.

А вредный Харебов как будто специально, продолжая с упоением имитировать распитие, всякий раз ставил бутылку этикеткой в другую сторону от пролёта «Ориона».

На этот спектакль сбежалось полкорабля (враньё, конечно), но на высунувшихся из всех щелей подвахтенных и офицеров Харебов зашикал, разгоняя, чтобы не портили своей массовкой красоту и идиллию пикника. Нашлись, конечно, доброхоты, которые заложили майора с сотоварищами «наверх».

Терентьев ограничился просмотром с видеокамеры, направленной на вертолётную площадку. Подозрительно хмурился на белеющий этикеткой пузырь водки, но видимо, сумел разглядеть, что тот пуст. Безусловно, экспромт оценил, ухмыльнулся, как говорится, «в усы», но приказал сворачивать шоу.

– Эти дурни (имея в виду штатовских пилотов) сейчас на критических углах довыделываются, свалятся в воду, а спишут всё на нас, дескать, мы сбили. Поиздевались и будет!

Пустая бутылка просверкала за борт. Собрали остальную посуду и импровизированный стол. Площадка опустела. Разочарованные янки взмыли ввысь и загудели на всех четырёх моторах восвояси. Обиделись.

Через час пришла смена – тоже «Орион» USAF, но другой паэ (патрульная авиационная эскадрилья), судя по номерам. Этот держался уже высоко, фотоплёнку не тратил, да и смеркалось, как всегда у экватора – скоропостижно.

Враги

Не обязательно быть умнее, достаточно чувствовать своё превосходство.

Иначе как «вызвали на ковёр» это назвать было и нельзя. Потому что не телефонным звонком, а спецкурьером с запечатанным конвертом, где в приказном порядке было: «предоставить все материалы» по известному проекту.

Поскольку вызвали его в Белый дом, Рональд Рейган, поигрывающий бровью во главе стола, был совершенно естественен. В кабинете также присутствовал один из советников президента (тех самых), рядом сидел четырёхзвёздочный генерал – представитель комитета начальников штабов. Был ещё один тип в штатском, в котором директор ЦРУ сразу опознал специалиста-консультанта технического отдела разведки флота. Немного удивил уполномоченный НАТО по контактам с союзниками. Профессиональная память Уильяма Кейси подсказала, что этот офицер специализировался по связям с британцами.

Примеряясь к креслу за общим столом, Кейси исподтишка разглядывал присутствующих, пытаясь понять, чего ждать (каких неприятностей) от этой маленькой комиссии, так как, несмотря на деланое равнодушие, некоторые метали на него тяжёлые взгляды.

Начал президент, на правах хозяина кабинета:

– Нам бы хотелось узнать про все ваши наработки и маленькие тайны по проекту «Vagrant». Или под каким грифом он там у вас проходит…

Тут Рейган совершенно искренне улыбнулся. Несмотря на натянутую атмосферу заседания, он всегда с симпатией относился к Кейси, с которым наладил неплохие отношения ещё во время своей предвыборной президентской кампании.

Первой мыслью директора ЦРУ было: «Зря не прихватил из лаборатории и сейфа натуральные артефакты, понадеявшись только на фотографии и протоколы». Явно увидел – от него ждут действительно откровений. А значит… «А значит, произошла утечка информации… либо… а что либо?»

Необходимости вставать для доклада не было, но ему вдруг захотелось именно этого, чтобы подчеркнуть неординарность тех сведений, которые он собирался донести. Однако пересилил себя и остался в кресле. Второй трудностью оказалась всё та же – из-за которой он тянул с предоставлением этой информации высшему руководству страны. Кейси не хотел выглядеть рассказчиком фантастического романа.

А ещё его взгляд непроизвольно норовил соскользнуть с президента, как главного (по протоколу) слушателя, на его советника, который совсем уж опустил уголки рта, по-бульдожьи оттянув щёки, делавшие выражение его лица едва ли не презрительным.

Время подготовить доклад у директора ЦРУ было. Поэтому начал издалека, сначала по мелочи, с косвенных данных, с фотографий и документов, полученных ещё через аргентинскую резидентуру, затем лавинообразно преподнося факты. Это была прекрасная, чтобы не сказать (прости, господи) театральная постановка, и было видно, что Рейган оценил этот сценарий.

В оконцовке, выкладывая фото и заключения технических экспертов по артефакту № 3 (мини-телефону норвежского пилота), Кейси ещё раз пожалел, что не принёс вещественные доказательства.

Кто-то должен был это сказать, и видимо, эта роль (скептика) была предоставлена генералу.

– А может, есть менее экзотическая версия?

При этом представитель КНШ неожиданно побагровел, гневно сверкнув глазами в сторону Кейси, подозревая, что тот намеренно и нагло пытается выставить окружающих (и лично его – армейца) болванами. Генерал даже сжал кулаки, побелев костяшками фаланг, словно желая схватить очкастого цэрэушника за грудки и вытрясти из этого хитрована все секреты.

– Вы не заставите меня поверить во всякую конспирологическую чушь в духе «янки при дворе короля Артура» и прочих «зелёных человечков»!

– А ведь знаете, Уильям, – примирительно вмешался Рейган, – мы все не любим Советы. Но у себя всё думали-гадали, головы ломали – почему вы спровоцировали эту авантюру с абордажем? Слишком это не в вашем стиле. Грубо. Почему сразу не предоставили информацию?

– А мне бы поверили? Выставили бы идиотом…

– Тем не менее вы всё же способствовали проведению срочной и не проработанной операции…

– Надо было спешить, тем более это не шло вразрез с агрессивными потребностями военных.

– Мы можем провернуть подобное в любой момент, – запальчиво заявил генерал.

– В тот раз мы могли прикрыть свои зад… тылы британцами. Сейчас же другой расклад – могут вмешаться Советы, – возразил Кейси, – с иными последствиями. Вплоть до радикальных.

– Насколько можно доверять заключениям ваших яйцеголовых?

– На девяносто процентов. Выявленные параметры и техническое качество подразумевают технологии, которые у нас находятся ещё в стадии экспериментальных разработок. Одни литиевые аккумуляторы чего сто?ят. Потёртости на телефоне норвежца говорят о том, что это повседневное, часто применяемое устройство. Маркировка, вплоть до утилизации, стандартная для Европы. И конечно – имеемые казусы перекликаются с «Battlecruiser».

– Может, это всё же хитрая провокация комми? – это уже подключился советник президента. – Нечто похожее, что мы задумали по проекту «Стратегической оборонной инициативы». Мистификация с целью…

– Проект «СОИ» ещё только наброски на бумаге… – скептически возразил Кейси, перебивая.

– А русские нас опередили, – всё-таки закончил мысль советник.

Кейси с шумом откинулся в кресле, утирая платком вспотевший лоб:

– Допустим, русские мыслят иначе, чем мы. Вообразим, что это такая логика чёртовых комми, но я не вижу тут никакой, даже извращённой азиатской целесообразности!

Этот эмоциональный выброс на некоторое время заставил всех задуматься, в попытках действительно найти хоть какую-то рациональность и последовательность во всей этой истории.

Прервал молчание генерал, который явно сдулся в своей предвзятости, и нудным голосом прогудел:

– Всё же хотелось бы посмотреть и пощупать руками…

– Артефакты в лабораториях, – огрызнулся директор ЦРУ, – получите допуск – посмо?трите.

Тут президент откашлялся, привлекая к себе внимание. Переглянувшись с советником, Рейган, блеснув хитроватой улыбкой, сказал:

– Мы бы вам не поверили, дорогой Уильям, если бы не одно «но».

Советник пододвинул директору ЦРУ папку.

– Материалы, любезно предоставленные нам англичанами.

Изучал содержимое папки Кейси не меньше получаса, не отвлекаясь на продолжающиеся тихие переговоры за столом, совершенно на автомате приняв чашку с кофе, выхлебав и отставив.

Наконец уже бегло просмотрев содержимое по второму кругу, отложил в сторону, поднял голову, моля, чтобы стёкла его очков отсвечивали, пряча глаза-предатели, выражение которых наверняка прочитается даже остолопом-армейцем.

Кейси стало даже обидно. «Интересно, если бы не материалы британцев – поверили бы мне так легко? Значит, я тут изгаляюсь, а они уже заранее имели информацию англичан, смотря на меня как на кролика перед разделкой». И с презрением: «А наш великий мистер президент, в силу своих прошлых профессиональных привычек, разыграв театральную постановку, просто упивался тихим триумфом, невидимыми аплодисментами и мнимым превосходством. А кукловод-советник, зная его слабости, потакал и тешил самолюбие. Чёрт. Надо взять себя в руки. Самый лучший способ сделать паузу – закурить, но здесь не курят. Хотя есть ещё одно неплохое средство». Директор ЦРУ достал платок и стал протирать стёкла очков, растягивая это дело совершенно не намеренно – платок был слегка влажный от пота и на стёклах появились разводы. Наконец закончив приводить себя в порядок, он спросил:

– Это всё, что дали англичане?

– По крайней мере, так они говорят. Но у нас нет оснований не доверять им, – слово взял офицер по связям с британцами. Видимо подметив прострацию главного цэрэушника, решил разжевать полученный материал. – Это фрагменты управляющей боеголовки русской ракеты. Поскольку они обгорели, восстановить их функции, конечно, уже не представлялось возможности. Поэтому союзники передали данные рентгеноскопии, лазерные фотосрезы микрочипов. Заключение их экспертов – это положительно компьютер на уровне, вполне сопоставимом с нашими последними разработками. Как бы не выше. Такого у русских не должно, не может быть! А вот эта фотография с маркировкой от хвостовой части ракеты. Взгляните на эти цифры. Всё сходится, я имею в виду вашу версию – это дата выпуска.

– Да, да, – почти рассеянно промолвил Кейси, – я просмотрел.

– Кстати, получили новые, очень качественные изображения крейсера.

На стол хлопнулась пачка фотографий. Пролистав один за другим снимки, Кейси осведомился, взглянув на офицера морской разведки:

– И как?

– Это однозначно не «Киров», но, несомненно, корабль этого проекта. С модернизациями и доработками. Мне вот одно непонятно, – моряк выбрал подходящее фото и поцокал ногтём по флагу на корме корабля (белому с голубым крестом), – допустим, мы помешались на почве фантастики и принимаем версию темпорального перемещения крейсера. Я так понимаю, из будущего и, вероятно, весьма недалёкого. Но почему Андреевский флаг и Россия?

– Не могу знать, – промямлил Кейси, – в своё время Сталин вернул в советскую армию погоны. Возможна аналогия. Ответы на вопросы находятся на борту этого корабля.

– Значит, всё-таки вы считаете, необходим захват «бандита»? – Этот вопрос повис в головах почти у всех сидящих за столом, но первым подсуетился советник президента. – Теперь это будет очень сложно сделать!

– О чём я уже говорил…

– И всё же не верю, – продолжал упираться генерал, – и первым фактом, что всё это ваши фантазии – вы сами предполагаете вмешательство СССР. А по вашему сценарию – Кремль не ведает, откуда крейсер.

– Я просто не исключаю такой возможности, – устало промолвил директор ЦРУ, – хуже будет, если это действительно тонкий, глупый, сумасшедший, да какой хотите, чёрт меня подери, план комми. Но пока факты говорят о другом.

– Но нужны более веские доказательства…

– То есть сам корабль, на блюдечке? – съязвил Кейси.

– Возможно!

Из уст советника это «возможно» прозвучало как итоговое согласие. Но он тут же сделал вполне разумную (с точки зрения Кейси) оговорку:

– Если СССР не вмешается.

– Если не вмешаются Советы, – согласился глава Федерального агентства.

* * *

Начальник штаба морских операций в тихоокеанском регионе, развалившись в кресле, водрузив ноги на стол, непринуждённо разговаривал по телефону, дымя сигариллой, небрежно стряхивая пепел, зачастую не попадая в пепельницу, а то и вообще роняя на пол.

– Французы хоть и оказались плохими помощниками, но на удивление инициативными. По моей просьбе направили свои сторожевые корабли к архипелагу Туамоту на перехват «Бродяги». Естественно, кроме папуасов-браконьеров больше никого там не обнаружили, – адмирал хохотнул, посчитав, что удачно пошутил, – зато по собственным соображениям…

Видимо, абонент ему стал что-то отвечать, и адмирал прервался. Выслушав, снова засмеялся:

– Да, да! У них бывают собственные соображения! Так вот, один фрегат лягушатники послали к Южным Кука и… на двадцатой широте – долгота 155, обнаружился наш искомый. Правда, мы чуть ранее получили непроверенную информацию от англичан, а француз лишь подтвердил. Вот так и вышло – удачно-неудачно. Почему неудачно?..

Пискнул коммутатор, оповещая, что прибыл офицер отдела дешифровки. Адмирал медленно опустил ноги на пол, прицельно туша? окурок в пепельнице.

– Да потому что… – Открылась дверь, и хозяин кабинета, не прерывая разговора, показал подчинённому положить папку на стол, – …потому что сопроводить они его не могли. По закону подлости «захромал» их фрегат, как заявили сами французы. Приходится гонять парней из паэ, палить горючку. Вот так. …Ладно, Фрэнк, мне пришли директивы из Пентагона. Надо работать. Окей!

Положив трубку, адмирал пару секунд собирался с мыслями. Затем вскрыл распечатку и углубился в чтение. Закончив, отбросил листы от себя, снова взялся за курево. Сидел, пускал дым, хмурился.

«Что ж, этого следовало ожидать! Иначе бы Фрэнк не намекал, что ему приказали держать на подхвате вертолётоносец с полком морпехов. Эти “латунные головы” даже прислали свои неоднозначные установки, которые теперь надлежит выполнять и согласовывать с нашими наработками, что наверняка приведёт к неразберихе. Потому что в бумажках из Пентагона всё выглядит гладко, но совсем не так, как непосредственно на месте, а тем более в море. Одно дело влепить торпеду в русский крейсер. Втихую. И далее смотреть по обстоятельствам. Другое – конкретный очерченный план-приказ. “Лишить хода”! Да неужели! Не так-то это будет легко. Мало того что у крейсера, помимо основной (ядерной) энергетической установки, присутствует ещё и запасная… Даже если рубануть ему винты… чёрт меня подери – это будет далеко не беззащитная подлодка. Этот “Battlecruiser” натуральная морская крепость! Судя по данным разведки – чего там только ни понапихано. Неужели они думают, что то, что не смогла “Дельта”, смогут морпехи? К нему не подобраться ни вертолётам, ни кораблям с десантом. Для этого надо раздолбать его систему ПВО, разнести к чёртовой матери антенны наведения зенитных ракет, не говоря уж о артустановках, скорострелках и прочих бомбомётах. Утопить его куда как проще, нежели захватить. Одни плюс – поскольку “русского” обнаружили не совсем там, где ждали, нужно время, чтобы организовать, подтянуть к месту и развернуть нужные силы. И эта отсрочка удобно ляжет в подготовку операции и просчёт всех вариантов. Только вот никак не верится, что они, лишившись хода, поднимут лапки кверху. Даже если, как обещают из Вашингтона, “красные” эскадры не кинутся на его защиту. Хотя такую возможность и в Вашингтоне не списывают, оставляют вилку для манёвра. Вот! Кстати, надо действительно запросить последнюю сводку».

Адмирал пощёлкал кнопками на селекторе. Связавшись с начальником разведки, затребовал последние данные по советскому тихоокеанскому флоту.

Вскоре затрещал кареткой принтер, выдавая печатный лист. Быстро взглянув и убедившись, что распечатка пришла именно из отдела разведки, адмирал выругался, скомкал лист, снова затеребив средство связи:

– Кэптен, соизвольте принести отчёт лично. И я хотел бы более подробные данные. Если вас не затруднит.

Последнее прозвучало с ледяной издевкой.

Прибывший со сводкой офицер застал начальство за большой тактической картой, где адмирал двигал кораблики, располагая их согласно последним поступлениям служб слежения и разведки.

– Предстоит большая операция, – с ходу информировал начальник штаба, – поэтому требуются анализ, оценка состояния и возможности скорого выхода кораблей «красных» с мест дислокации. Вплоть до судов обеспечения.

– Субмарины?

Адмирал на секунду призадумался: «А чем может помочь подводная лодка “стреноженному” кораблю?»

Но затем кивнул, давая отмашку:

– Несомненно, и субмарины, – и указал на карту: – Теперь давайте посмотрим, чем мы располагаем (точнее, русские) на текущий момент, и где их корабли.

Обобщив данные и «поиграв в кораблики» на карте, довольно быстро уяснили, что ничего особо угрожающего не наблюдается. Естественно, внимание было приковано к ближайшей советской базе, но в Камрани у русских ничего существенного не стояло. В основном субмарины и мелочёвка. Отследили все близлежащие корабли.

– Большой противолодочный корабль «Василий Чапаев». «Kresta II»-class, – отметил офицер разведки, – поход в Индийский океан. Запланирован ещё несколько месяцев назад. Думаю, что к нашим последним задачам это не имеет отношения.

– Но со счетов его спускать нельзя. Далее.

– Авианесущий «Минск». «Kiev»-class. Тяжёлый крейсер. Проводил ремонтные работы на «Дальзаводе». Вышел на обкатку. По последним данным спутниковой фоторазведки, находился терводах.

– А сейчас? – почему-то напрягся адмирал.

– За прошедшие сутки в месте манёвров он не обнаружен.

– Так ищите.

– Ищут.

Начальник штаба морских операций во вверенном ему регионе и сам не знал, почему его взволновал этот «Минск». Может потому, что резанула классификация «тяжёлый крейсер», уже набившая оскомину в связи с затянувшейся эпопеей «Бандит-battlecruiser»? Или просто из-за того, что этот тяжёлый авианесущий крейсер был весьма серьёзной игрушкой, пусть и со слабым авиакрылом? Поэтому старался не упустить факт потери корабля службами слежения.

– И где он?

– Ищем.

Дёргая отдел разведки флота с изощрённой периодичностью.

– Ну?

– Ищем!

И успокоился, только когда поступила информация от японской патрульной авиации – «Минск» прошёл Цусимским проливом в Восточно-Китайское море. Картина, предоставленная японцами, сомнительна, но удовлетворяла.

«Что ж, мизансцена меня пока устраивает».

Сделав себе отметку о повторной проверке, адмирал занялся более важными делами.

Заинтересованные

В напряжённом графике премьер-министра Великобритании (страны?, ведущей войну пусть где-то там, на задворках бывшей империи, но однозначно отбирающей и время, и нервы) нашлось время, чтобы проявить интерес к одному весьма любопытному факту. Факту, который вытек именно из этой войны.

Встреча Маргарет Тэтчер и директора МИ-6 в этот раз произошла накоротке, между совещанием в министерстве и посещением штаба в Нортвуде.

– Какова реакция… э-э-э, последствия, – поправилась Тэтчер, – на предоставленные нами материалы?

– Американцы изначально неровно дышали на этот «Battlecruiser» русских, что было вполне объяснимо – всё-таки главный геополитический противник…

– Я понимаю, – поторопила Тэтчер, – и помню. Абордаж… ну, надо же! Не перестаю удивляться! Никак от янки этого не ожидала! Указать Советам, что не следует лезть не в своё дело, можно было бы и менее экзотическим способом. Но что теперь, с вновь открывшимися фактами?

– Интерес янки ещё больше усилился. Более того, они планируют ещё одну операцию. По крайней мере, об этом говорит передислокация их морских сил в тихоокеанском регионе.

– И всё же… что по материалам, которые мы им выдали?

Шеф разведки понимал, что премьер-министра интересует отнюдь не официальная реакция Белого дома.

– Мой человек в Пентагоне имеет весьма ограниченный ресурс… – попытался он оправдаться и замялся с ответом. – Изначально тема была закрыта… за стенами Лэнгли. И сейчас секретность не ослабла. Но кое-что странное удалось отметить. Американцев в большей степени взволновала та странная дата на хвостовой части ракеты, которую мы приняли за… м-м-м… опечатку.

Равнодушные

Четырёхмоторный патрульный гидросамолёт PS-1 (бортовой № 84) японских военно-морских сил полз над морем, утробно ревя четырьмя движками, словно не доенная корова. Эта тяжёлая машина в бежевой раскраске с оранжевыми вставками и красными кругами «хиномару» массой более 26 тонн напоминала летающий сарай. Тем не менее была вполне функциональна в рамках боевых задач, для которых разрабатывалась.

Давно отстали (ещё по выходу из Корейского пролива) эсминцы и сторожевики Страны восходящего солнца. Слежение за тяжёлым крейсером «Минск» (с небольшим эскортом) полностью возлагалось на лётчиков 31-го авиакрыла авиабазы Ивакуни.

Паспортная скорость патрулирования у PS-1 – 330 км/ч. Регулируя принудительный обдув закрылков и рулей высоты, пилоты умудрялись снизить этот показатель. Тем не менее приходилось нарезать круги, раз за разом пролетая на траверзе советского соединения.

Эти вынужденные (по просьбе «старшего брата» – США) «кружева» порядком надоели экипажу, но дисциплинированные японцы продолжали терпеливо трудиться на благо… в общем, на чьё-то благо.

Авианесущий крейсер и два корабля сопровождения прекрасно выделялись на фоне чистого океана, оставляя за собой белые кильватерные дорожки – гайдзины целеустремлённо шли в сторону Вьетнама, ориентировочно – в Камрань.

На очередном выходе второй пилот заметил звено скоростных машин, появившихся со стороны Китая.

– Справа четвёрка МиГ-21 китайских ВВС, – подтвердил оператор РЛС, – видимо, тоже на русских поглядеть.

Командир гидросамолёта неуютно заёрзал в кресле – у него сложилось такое впечатление, что китайцев заинтересовали не столько русские корабли, сколько их неторопливая амфибия под номером 84. Он заикнулся было:

– Мне показалось, что преследуют нас.

Оказалось – не показалось.

Китайцы лишь одним заходом «спустились» к кораблям. Затем взмыли, показательно просвистев четвёркой. Заняв эшелон выше гидросамолёта, разделились на две двойки и неожиданно попарно прошли вблизи «японца», в каких-то сорока-тридцати метрах, прогрохотав форсажем. При этом намеренно обдав спутными струями, загнав PS-1 в турбулентность.

На этом хулиганство не прекратилось. Не обращая на японское возмущение в эфире, «двадцать первые» снова заходили в «атаку», отрабатывая имитацию.

Ещё не друзья

– Ты смотри, что китаёзы вытворяют!

– Доиграются до нот протеста со стороны атташе япономамы! – согласился с замполитом капитан 1-го ранга Саможенов Вениамин Павлович, командир авианесущего крейсера «Минск». Подняв бинокль, он легко поймал в фокус похожий на громоздкий «сундук» японский гидросамолёт. За истребителями уследить было сложней.

Выкрутасы китайцев привели к неожиданному результату – тяжёлая патрульная машина «просела» к воде и, не довершив уже привычный разворот, ощутимо поддав газку, загудела в сторону японских островов.

– Всё, представление закончено, – подвёл итог командир, – можно возвращаться в рубку.

Несколько суток назад авианесущий крейсер неожиданно «оторвали» от ремонтных стенок «Дальзавода», так и не довершив затеянную доработку. Собирались изменить форму спонсона левого борта и конструкцию носовой кромки угловой палубы, для создания ветрового потока над палубой, что

обеспечило бы лучшую аэродинамику при взлёте «вертикалок» Як-38 в режиме короткого разбега.

Работы обещали растянуть не на один месяц, поэтому части экипажа предоставили отпуска?, из которых не успевший расслабиться личный состав вовремя успели вернуть.

Какая срочность заставила «выгнать» корабль в боевой поход, капитан 1-го ранга не знал, но дошли слухи, что это было распоряжение самого Горшкова.

Японский самолёт ещё жужжал где-то там, на северо-восточных румбах разобиженной мухой, а СПСовцы преподнесли командиру срочную «телеграмму» из штаба ТОФ с целым пакетом инструкций особой важности под грифом «секретно»[5 - СПС – спецсвязь.].

Соединению надлежало сменить курс.

Выслеженный

Говоря о чём-либо: «Я это знаю!», ты загоняешь себя в ловушку постоянства, по сути, занимая оборонительную позицию. И не только потому, что всё подвержено изменениям и твоё «я знаю» устареет. Просто даже оборона эффективней, когда активная.

На третьи сутки нарисовался корабль-соглядатай. Держался он, надо сказать, на приличном удалении, чем вызвал удивление – обычно натовские корабли сопровождения не были столь стеснительны.

– Газотурбинный, – присмотревшись в визир, компетентно заявил стармех, – ишь коптит, всю силушку из машины выжимает. А форсунки-то не отрегулированы. Я бы такому меху фитиль на раз-два-три вставил. Долго не протянет, если мы «полный» постоянно держать будем.

После облёта «камовым» удалось определить его тип – это был старичок-эсминец серии «Чарльз Адамс» под штатовским флагом.

– Я же говорил! Он как бы не шестидесятых годов постройки.

Однако эсминец оказался упорным и стойким. Откуда «юс нэви» наковыряли этого одиночку – загадка. До ближайшей их базы – Апры, что на острове Гуам, было не менее 4000 миль. Единственное – на траверзе как раз были острова Самоа. Из них какие-то обозначены как американские. Может, оттуда?

С того момента как амеры навязали этого «прилипалу», «орионы» уже не висели в воздухе постоянно, а прилетали периодически. По ним можно было сверять часы – ровно в 14:00.

На первый взгляд – монотонная рутина, но командир помнил оговорку пленного цэрэушника о торпедах и не терял бдительности ни на секунду. Из вахтенных выжимал стопроцентную отдачу. Зато дал послабление на отдых, компенсируя эту вынужденную гонку полным расслабоном. На палубе в разрешённых местах шарилась по «форме раз» синетрусая команда подвахтенных. К жаре уже более-менее адаптировались, но находились ещё кадры, кто сгорел на солнце попервости, успел обшелушиться и умудрился по дурости заново пережариться.

* * *

Ещё сутки. Тяжёлый крейсер пёр на атомной тяге, поддерживая устойчивые 30 узлов, мощно раздвигая носовыми обводами пенящуюся волну, вращая антеннами, периодически «гугукая» сиреной (для своих) при включении РЛС, регулярно выбрасывая в курсовом секторе вертолётную «длинную руку» ПЛ-поиска.

Из происшествий – маленькая буза среди матросов (где-то раздобыли пойло и сорвались). Отделались синяками меж собой и хорошей взбучкой от боцмана, устроившего помятым и полубодунячим реальные «мыльняки». Плюс внеочередные наряды, чтоб от вахты до койки – и сил на всякую дурь не оставалось.

Ещё пытались артачиться пленные – церемонились ещё меньше. Морпехи только ждали повода, а в амбулаторном отделении матерились на лишнюю практику с гипсом и выправлением челюстей.

Океан совсем не шалил, умеренно дышал волной, лёгким ветром. И комфортней было на мостике, чем в рубке.

Старпом, наконец, снял свою пиратскую повязку, деловито улыбался:

– Прицел восстановлен! А то уж думал, пойду на свиданку, до дела дойдёт, а я не попаду куда надо.

– «Свиданку», – передразнил Терентьев, – кто тебя отпустит… с подводной лодки.

– А что? – Скопин чуть свёл глаза, делая мечтательно-дебильную рожу а-ля «Косой» из «Джентльменов удачи». – «Автомашину куплю с магнитофоном, пошью костюм с отливом, и – в Ялту».

– Да уж, – ухмылка Терентьева непроизвольно скисла и, обозначив паузу, – удастся ли?

– Что? – Скопин почувствовал непростой подтекст.

– Удастся ли нам внести свежую кровь в СССР? И что предпримут наши старпёры из ЦэКа? Неужели теперь так называемый «совок» не остановится, перевалит за миллениум своими дефицитами, скудными прилавками, очередями на автомобили и гнилой картошкой с овощебазы?

– Лишь бы опять не случилось горбачёвщины и развала… всего, – теперь и Скопин проникся, брезгливо поджал губы. – Помнишь?

– Помню. Корабль на приколе, на подножном корме, едва теплится аварийным аккумулятором, вахта – формальность…

– Когда в минуты-часы вынужденного безделья ты берёшь книгу, фантастику какую-нибудь, чтобы потеряться в строчках чужой нереальности, – вспомнил своё Скопин. Но тут же копну?л глубже, неожиданно меня настроение: – А знаешь, как я в детстве книги читал?

– Знаю. С фонариком под одеялом.

– Да я не о том… Глотал сначала – нетерпеливый и голодный! Пробегал глазами по абзацам с заглавными словами «однажды», «вдруг», «внезапно». Именно там меня ждали самые-самые приключения! Потом, если интересная, что наверняка – ведь я их по?едом ел, по второму разу читаешь уже подробней. И третий раз – даже с занудными описаниями природы, как у Верна и Купера, которые Жюль и Фенимор. Словно скелет плотью обрастал, вплоть до самого главного – идеи и души.

– Как люди.

– Что? – Старпом выпал из воспоминаний.

– Книги, как люди.

– Точнее люди, как книги, – исправил задумчиво. И с энтузиазмом: – Открываешь, бывало, одну… и знаешь уже, чем закончится – в общем: ни о чём! А что-то, словно детектив-фантастика – затягивает. Поначалу непонятно, интересно, читаешь взахлёб и… и вдруг – бац! Концовка! А случаются такие – читаешь, читаешь… и понятно же, что будет дальше, но… уж больно хорошо написано. Приятное чтиво!

– Ты о чём вообще?

– О бабах, конечно.

– А-а! В таком случае самая хорошая книга, которая настольная, которую открываешь и всякий раз находишь что-то новое.

– Была у меня одна такая. Так и не вычитал толком.

– Чего так?

– Замуж вышла. За другого.

* * *

И ещё сутки. И ещё. Позади, на левой раковине затухали радиомаяки Фиджи.

Эсминец не отставал. Всё так же – на дистанции.

Ловили его радиопереговоры. Кодированные. Не частые, но время сеансов связи не привязывалось к какому-то определённому графику.

– Наверняка с домом, с подругами талдычат, – предположили шифровальщики, – дисциплина – халява!

Попадались «рыбаки» и «торгаши». Тоже в основном на удалении.

– Ну, что тут у нас? – появлялся на мостике командир. Терентьев всё чего-то ждал, позволяя себе отдых в каком-то невообразимом режиме, умудряясь и поспать, и создавать видимость постоянного присутствия «у руля».

– Да нормально всё, – отвечал вахтенный, – вон вроде сухогруз идёт, а там сейнер.

К обеду неожиданно пожаловал С-130 «Геркулес» ВВС Франции. Почему-то в зелёной армейской раскраске. И, похоже, по собственному, исключительно французскому усмотрению. Потому что время прилёта совпало с дежурным посещением юсовского «Ориона». В эфире они меж собой – открытым текстом, но у французов, видимо, были нелады с английским. Однако перетёрли быстро, согласовав эшелоны. В общем, небо поделили.

Начинка в «Геркулесе» точно была для радиоэлектронной разведки – облетел, пооблучал, повынюхивал и домой почапал. Куда-то в сторону Австралии, откуда, кстати, и припёрся.

– На Новой Каледонии у них аэродром, – пояснил всезнайка-штурман.

* * *

И ещё двое суток. На левом траверзе Соломоновы острова. До заката солнца пару часов.

– Тут, кстати, как раз недалече япошки с амерами во Вторую мировую рубились.

Как всегда штурман был в теме. И немного старпом. Стали рассказывать, что смогли вспомнить. Вахтенные (в основном молодые парни) притихли, прислушиваясь – интересно!

И казалось, в лёгкой дымке на волнах вырисовывались тактические группы американцев во главе с авианосцами «Хорнет» и «Энтерпрайз». А где-то за горизонтом выжидали корабли старика Нагумо с несерьёзными на русский слух именами: «Сёкаку», «Миоко» и уж совсем каким-нибудь по-грузински смешным «Такицукадзе».

А в небе затарахтели, зажужжали поршневиками торпедоносцы «Эвенджер», ринулись в атаку «Митсубиси-Зеро». Гавкали зенитные орудия, выли в пике сбитые самолёты. Чадили и тонули корабли.

А потом ночь поглотила и синеву неба, и дымку на океаном, и вытащенную из памяти воображаемую битву.

* * *

– Риф Ронкадор, – штурман водил кончиком карандаша по карте.

Терентьев стоял рядом, с сомнением разглядывая штурманские труды.

– Не налетим там на какую-нибудь неучтённую скалу или атолл, а, Виктор Алексеевич. Идти-то будем полным ходом.

– Атолл там есть, но уже за рифом. Онтонг-Джава называется, – не смог не козырнуть знаниями кап-три, – мы, как я уж сказал, пройдём между вот этой точкой (риф) и островом Санта-Исабель. Впадина там приличная… вдоль всех Соломоновых островов. Как и желоб вдоль всего архипелага Бисмарка. Так и просвистим, как пожелаешь, на «полном ходу», в прилежащей к терводам Гвинеи зоне, той, которая Папуа. Положительные стороны очевидны?

– Да, – согласился командир, – как и отрицательные.

Терентьева не оставляло опасение торпедной атаки и едва ли не мерещились подлодки противника. Поэтому не могло не радовать, что с такой курсовой прокладкой левый борт крейсера будет прикрыт островами и всей вулканической возвышенностью, куда осторожный командир субмарины не полезет. С другой стороны, он прекрасно знал и недостатки ГАК «Полином».

«У гидроакустического комплекса мощные низкочастотные характеристики, но это разработка ещё семидесятых – старенький он, имеет высокую зависимость от донных ревербаций на малых глуби?нах».

– А почему дальше не проложил? – Командир указал на одну из северных островных оконечностей архипелага, где начерченная курсовая линия обрывалась.

– В прикидках есть, конечно. И разные направления. А на чистовик я не наносил. Не люблю загадывать, – и кап-три широко улыбнулся. – Ты же знаешь – я суеверный.

– Сколько миль до этой точки? За сколько пройдём, считал?

– Трое суток максимум. Но если ничего не помешает, то быстрей.

– А что… – зацепился за свои тревоги Терентьев, – тебя смущает наш сопровождающий? Или ещё кого ждём?

– Да тут наверняка судоходство нехилое. Опять всякие лоханки аборигенские.

* * *

Штурман оказался прав. В расчёте милей и времени. И про судоходство угадал.

В светлое время суток ещё ладно – погода стояла ясная, всегда оставалось время на реакцию. А вот ночью приходилось врубать курсовые прожектора – мелкие ялики и баркасы почти не брались локатором. Так и норовили «попасть под колёса».

Однажды налетели на целую флотилию вообще каких-то убогих лодок, благо те подсвечивали себя фонариками. Несмотря на мощный луч прожектора и завывания сирены, очумевшие рыбаки даже и не думали уйти с дороги. Несколько лодчонок буквально растолкали носовым буруном из-под форштевня, закружив в расходящихся и поперечных волнах, создаваемых движущейся махиной крейсера. В общем, потоптались, словно слон в посудной лавке!

«Американец» – тот самый эсминец типа «Чарльз Адамс» DDG-16 «Joseph Strauss» (или как уже по-свойски его именовали – «Страус Жозя»), ночью тоже, видимо, «очковал» – становился в кильватер, «прижимаясь» поближе.

Естественно, впотьмах пощупывали друг дружку РЛС. Но так… без особой настойчивости, как будто бабу ночью в постели – по заднице, типа – тут, ну и ладно.

– Может, для него на корме огонёк зажечь? – в шутку предложил штурман. – А то нервирует он меня эрэлэской своей подсвечивать.

– Обойдётся, – принял юмор Терентьев.

И вдруг вспомнил свои ещё лейтенантские погоны и хождения по Средиземному морю за «Форрестолом», когда следили и собирали любую информацию, не брезгуя даже мусором с кораблей потенциального противника. Американцы утилизировали бытовые и прочие отходы незатейливо, набивая ими пластиковые мешки, выбрасывая в море. Особисты находили иногда полезные (в плане информации) бумажки.

– У нас отходы с камбуза… консервные банки, упаковка от продуктов и остальной хлам как выбрасывают? В целлофановых мешках?

– По-моему, да, – не понимая, уставился на командира штурман.

– А ведь там могут быть артефакты из будущего… даты и прочая хрень. Вдруг пиндосы, следуя за нами, вылавливают наши «подарки»?

– А ведь верно…

– Сжигать! – приказал Терентьев.

А ближе к рассвету третьих суток вышли к намеченной точке – на траверз острова Массау.

* * *

Эта ночь прошла спокойно. Но как оказалось, не без «залёта» – наутро выяснилось, что DDG-16 «Joseph Strauss» совершенно незаметно сумел свали?ть. То есть, едва взошло солнце, сигнальщики виновато доложили (хотя какая тут их вина): «Нетути!» «Американец» примелькался. И если ночью эсминец держался в кильватере, то днём маячил на левом траверзе.

Но порой и балова?л, отползая на раковину, а пару раз даже забежал вперёд (чемпион, ети его!). В общем, дистанции определённой не придерживался. К тому же и сам «Петя» нет-нет да и совершал (по воле рулевого-командира) противолодочный загиб.

Средняя вахта – с 4:00 до 8:00. Старшим – Скопин.

Перевернул страницу вахтенного журнала – запись: время, пеленг, дистанция, когда последний раз отметили супостата.

Получалось, что DDG-16 безнадежно отстал ещё час назад, канув за радиогоризонтом.

– Спёкся-таки наш «Жозя», – предположил вахтенный штурманёнок, – головушку свою страусиную в песочек ближайшего атолла засунул, гузку отклячил и коптит.

– Чёрт его знает. Надеюсь, – хмуро пробурчал старпом, в который раз глянув на хронометр, отсчитывающий время до конца вахты, – надеюсь, больше мы его не увидим. Сделай запись в журнале.

Дежурный «камов», наскоро «пошустрив» бортовой РЛС на кормовых углах (правда, с небольшой высоты), эсминца тоже не приметил. Пилоты увели машину вперёд. У них основная задача – слушать море на курсе корабля.

Летунам (и машинам) и так досталось. И если люди получали отдых, то ресурс винтокрылов был не вечным. Техники уже докладывали о проделанной работе по замене чего-то там в потрохах двигателей. Поэтому Скопин лишний раз пилотяг не донимал. Делают своё дело – пусть делают.

Через сорок минут Скопин сдал вахту. Пошел, позавтракал в большой кают-компании и преспокойно завалился спать, не подозревая, что «Жозя» себя ещё покажет.

Гавайи. Пёрл-Харбор

Начальник штаба морских операций в тихоокеанском регионе двигал свои фишки-кораблики, вырисовывая в голове и на карте затягивающую петлю.

– Не без огрехов… – бормотал старый служака и профессионал, вытаскивая очередную табачину. Закуривая, задумываясь, прикидывая.

Не совсем удачно следовал «Констелейшн» (тактическое соединение TF-12), всей своей сворой уже форсировав Малаккский пролив, но однозначно запаздывая. На подходе «Карл Винсон» (TG-18), который «зарылся» далеко на юг и лишь потом повернул на запад. Сделав неизбежный крюк. Тоже в роли догоняющего. Но ничего не поделаешь – поздновато нашли русского «Бродягу». И ждали не оттуда.

Эти два авианосных «увесистых кулака» служили скорей страховкой уверенности и превосходства, не допуская, даже не предполагая радиолокационного и уж тем более визуального контакта с «Бандитом». Не хватало ещё подставиться под эти здоровенные крылатые ракеты русских. Достаточно «длинной руки» авиакрыла, как более мобильного инструмента.

Зато DDG-16 «Joseph Strauss», не отставая, следует за «русским», держа постоянный канал связи через спутник, предоставляя исчерпывающую информацию.

И очень важно – «Нассау» с батальоном морпехов с Апры буквально «в двух шагах».

А ещё «дельтовцы» желают поучаствовать. Понять их можно, это их косяк – у русских пленные… Об этом приказано молчать…

А ещё цэрэушники. Вот уж въедливые! Хотя и с пользой… а то лезли тут французики. И бритты уж очень любопытствовали. Атташе на учения возжелали, фак им, в Тихом океане. Пронюхали, естественно, о развёртывании. И журналюги…

А ведь вся операция была под ЦРУ! И работа эта – ЦРУ. И пресечь излишнюю шумиху в прессе, и любопытство союзников – ЦРУ. Надавать репортёрской братии по рукам и языкам – ЦРУ.

И ведь заткнули! Тем более были не менее захватывающие репортажи с Фолклендской бойни. Латиносы сопротивляются отчаянно, а бритты, несмотря на нашу помощь, умываются кровью.

И теперь Лондону придётся выплачивать за ленд-лизовский «Тараву», который ныне стои?т на злосчастной якорной стоянке рядом с их раздолбанным «Инвинзиблом». В не менее безобразном состоянии. Оплошали англы.

Адмирал заулыбался, сменил выкуренное и снова хмуро задумался.

«А комми? Вот ещё головная боль! И где там этот “Минск”?»

Загнанные. Клинч

Вахтенные уже уяснили – если командир курит, значит, психует или нервничает.

Не нравилось Терентьеву, что эсминец неожиданно отвалил. Не нравилось перехваченное участившееся шифрованное ру-ру-ру на характерных частотах. А уж когда привычный по расписанию «Орион» не появился, вообще… потеть начал.

Проходили сложный участок – западную часть архипелага Бисмарка, усеянную кучей мелких атоллов и рифов, полностью положившись на подробные электронные карты. И конечно, в предельном напряжении сигнальщиков и внимании на эхолоте. В ночное время или при плохой видимости сюда бы и не сунулись. Но Терентьева устраивали (по известной причине) глуби?ны.

На этом перегоне рыбачков попадалось мало, зато нагнали (на левом траверсе, примерно в 160 кабельтовых) весьма приличную моторную яхту, имеющую даже вертолётную площадку. Под штатовским флагом, кстати. Чего-то они хотели поквакать, но почему-то на УКВ и разобрали лишь затасканное американское «ва-ау!».

К 14 часам (плановому прилёту «Ориона») добежали до следующего ориентира на штурманской прокладке – островок Ауа (поискать все эти острова на карте – кошкина задница!).

«Орион» не прилетел.

Проходит полчаса. Час. Самолёта нет.

– Может, отстали от нас? – видя тихую пружину командира, спрашивает старпом.

Молчит.

Ещё час – небо чистое.

На левом траверзе в 110 кабельтовых темнеет остров Ауа.

– Что у нас по акустической обстановке? – выдавливает из себя главный.

– «Полином»? – Вопрос был почти идиотский – канал с дежурного вертолёта поступал отдельной строкой, пусть не всегда устойчиво, но на данный момент был обозначен на приёмоиндикаторах и легко читался. А значит, командир спрашивал о непосредственном источнике гидрообстановки – автоматизированном комплексе гидролокации.

Терентьев и сам прекрасно понимал, что с одной стороны, на полном ходу, крейсер своими винтами забивал акустикам «уши». А с другой – хвалёная скрытность и тихоходность американских субмарин в режиме «эхо» не имеет значения. Всё просто – посылался сигнал, и от любого препятствия (коим могла быть субмарина) отражалось эхо. Компьютер за секунды выдавал несоответствия (если это был банальный риф).

Надо сказать, что эта процедура (боевая вводная) отрабатывалась фактически в режиме автоматизма (в рамках поставленной задачи). Но именно сейчас командир решил допытать личный состав подробностями.

– Сверху температура воды, – лу?пал глазами вахтенный, читая сводку гидролокации, – свыше двадцати градусов. Следом слой скачка и далее постоянная для океана температура – около четырёх-пяти градусов.

Пауза! Пауза! Командир думает! Время идёт.

«Термоклин – это, конечно, засада. Термоклин сигнал эхолота может и не пробить». Очередная гашеная сигарета, высосанная чашка кофе, замятая булочка.

Почему-то хочется рвать и метать, но просто куришь и пьёшь, вдыхаешь и ешь, выдыхаешь и… чёрт знает, о чём думаешь! Его настырная чуйка говорила… нет – кричала: что-то не так!!! Так и лезли в голову эти пресловутые «наивные чукотские парни». «Про себя, ребята, про нас! Почему вражины все пошхерились? Коварничают?»

Взгляд Терентьева приклеился к штурманской карте, где всё казалось запутанно и усложнено избытком значков и цифр. Линия, проложенная штурманом, судя по цифровым промерам глубины, выходила к котловине.

– Второй «камов» на поиск выпускай, – осипшим от нервических переживаний голосом приказал командир.

«Ка-27» стоял на площадке по готовности «раз», в наушниках пискнуло, захрипел короткий приказ. Харебов замкнул зажигание, прощёлкав серию тумблеров, и лопасти начали свой бег по кругу.

– Пусть возьмут сектор шире и мористее, – командир переместил свой взгляд на показания эхолота, не подозревая, что именно сейчас в БИЦе акустик-оператор побелевшим лицом смотрит на показания самописца, скачущего, «отбивающего» контакт с быстро приближающейся целью.

Доклад поста управления «Полинома» на мостик поступил незамедлительно, и вой боевой тревоги зазвучал особенно тревожно – на срыв.

– С кормовых углов! Эхо чёткое, звонкое! Предполагаю – шум винтов торпеды!

– С кормовых?!

Тут уж и Терентьев, не сдержавшись, в сердцах скрипнул сквозь зубы что-то похожее на «прохлопали, долбодятлы», но с применением более колоритных матерных «ё» и «б».

А вахтенный с очумелыми глазами продолжает – репетует, подтверждая данные: пеленг на цель, скорость, глубина, дистанция, которая стремительно сокращалась. И тут оказывается, что слышны шумы двух торпед! И на эпитеты уже просто нет времени!

Недаром!.. Недаром командир накрутил экипаж на боеготовность. Всё было готово, заряжено, настроено, надраено! По той же готовности «номер один»!

Приказы выплюнулись одной сплошной чередой скороговорки:

– Внимание! Отражение торпедной атаки! БИП – целеуказание на РБУ! Залп по готовности!

А готовность – шестьдесят секунд. Нудная такая минута – время реакции с момента обнаружения цели до начала стрельбы.

Перед командиром на эту минуту встала дилемма: получить торпеду или на резком манёвре вероятность «опрокинуть» вертолёт – Терентьев помнил и понимал, что «камов» наверняка ещё на площадке, но уже не принайтовлен.

Решение очевидное – конечно, важнее корабль!

– На руле – манёвр уклонения, право на борт!

Перекладка резкая, иной и не могло быть в данной ситуации. Крейсер дал крена на циркуляции.

Харебов тянул ручку на себя, за свистом винтов не слыша ревуна тревоги, уже ощутив знакомую вибрацию – машина оторвалась. Как вдруг площадка почти мгновенно ускользнула из-под «ног». При резком повороте это выглядит именно так – корабль управляется кормой.

Охреневший майор успел дожать тягу, лишь на пару секунд зафиксировав, что правое носовое колесо шаркнуло по сетке-зацепу, слегка дёрнув машину вслед за норовисто уплывающим кораблём.

Но на этом аврал не закончился!

Вертолёт винтами создаёт под собой воздушную «подушку», которая уплотняется от поверхности. Корма крейсера выскользнула из-под машины, сорвав экранирующее влияние – бедный «камов» словно потерял опору, ухнув вниз. Каким-то чудом и малым диаметром винтов едва не чиркнув лопастями о борт.

Очумелый бортинженер видел, как завихрились воздушные потоки, взбив водяную пыль и брызги, когда и колёса порскнули по верхушкам волн. Казалось, ещё секунда и машина плюхнется на брюхо, прилипнет к поверхности – тогда её уже не оторвать. Но пилот каким-то мастерским чутьём или чутким мастерством вывел «тачку».

Но ещё до, как ни крути, тяжёлой реакции на рули, залпово отработали кормовые РБУ, засвистев реактивными факелами отстреливаемых снарядов, накрывая площадь по целеуказанию комплекса «Полином».

Бомбы легли-нырнули удачно, покрыв поверхность океана заградительной чередой глубинных подрывов, толкнув одну из торпед на дно. Но вздоха облегчения не прозвучало – была ещё одна смертельная «штука», буравящая морскую толщу на выверенной глубине.

Кормовые эрбэушки ещё перезаряжались – на автомате, вытягивая новый пакет снарядов из погребов. А крейсер, заложив циркуляцию, открыл сектор обстрела для более «накрученных» – носовых бомбомётов.

Но время реакции уже безнадежно иссякло, и левая носовая установка отстреляла обычные глубинные заряды. Уже на минимальной дистанции – едва ли сто метров.

Торпеда словила свою порцию и, чуть проскользнув по инерции, детонировала, сумев лишь тукнуть корпус корабля гидродинамическим ударом.

Снова переложили рули, попросту уходя от опасности, оставляя вражескую субмарину за кормой. Два винтокрыла бросились на поиск, швыряя гидробуи. Из ангара аврально тащили третий «Ка-27».

– Топить? – Скопин всем своим видом излучал справедливое возмущение коварством пиндосов.

– Теперь она заляжет на дно. Попробуй, найди её, – смахнув испарину, ответил командир. Но не стал разочаровывать радикально настроенного старпома. – Конечно, топить тварюку!

Помощник кинулся отдавать распоряжения, а у Терентьева нашлось время подумать.

«Не сложно догадаться, что субмарина стояла на позиции, именно на границе мелководья, что следует из направления атаки. Пряталась, пропустив “Петра” практически над собой и потом атаковала. А эсминец, следуя за нами в течение нескольких суток, собирал данные и анализировал. И естественно, америкосы пришли к правильным выводам, спрогнозировав наш курс, организовав засаду. А эсминец? Этот сволочной “Страус Жозя”? Снёс своё иудино яичко и отвалил. Чтобы не попасть под горячую руку. Дескать, не при делах. Но наверняка следом шкандыбает, спрятавшись за радиогоризонтом, так? Так! А подлодку мои архаровцы всё же проморгали. Можно, конечно, устроить нагоняй, но… У штатовцев очень тихие субмарины, и если она маневрировала на минимальном ходу… обнаружить её весьма проблематично. И пуск торпед при молотилке собственных винтов на 30-узловом ходу, естественно, профукали. А вертолёт работал на курсовых румбах. Однако атаку “словила” именно противоторпедная – подкильная антенна. Тут наоборот – надо похвалить акустиков. Теперь второй и не менее загадочный вопрос. Почему не атаковала в лоб? И всего две торпеды, хотя могла саданут в залпе и больше? Тут можно сделать неоднозначное предположение, оглядываясь на уже имевшийся факт попытки абордажа. Стало быть?.. Стало быть, американцы хотят именно заполучить, захватить корабль. Что из этого следует? А то, что им что-то известно. Недооценили проницательность аргентинцев? И они что-то сумели углядеть и разнюхать? Или ещё что-то? Надо вставить особисту пистон, чтобы порвал этого цэрэушника тузиком об грелку, но вытащил из него всё. Всё, о чём этот гадёныш даже не догадывается».

Рассуждения командира прервал крик:

– Перископ! Прямо по курсу!

– Япона-мать, вторая!

Командир прильнул к остеклению рубки, шаря рукой бинокль, однако тот не понадобился.

– Он свихнулся, что ли? – вырвалось у старпома.

Градусов на двадцать по левому борту на удалении не больше двух кабельтовых (метров 350) торчал чёрный штырёк перископа. И это при скорости корабля более 50 км/ч.

Первая мысль – дистанция пистолетного выстрела, но определенно опасная для самой лодки, реши они произвести торпедную атаку. Может, поэтому и не было этой самой атаки.

Вторая мысль – как разойтись с лодкой? Если начинать манёвр уклонения – вправо, её запросто может зацепить кормой, потому что на циркуляции корму занесёт. И влево перекладывать глупо – получался вообще прямой таран. И понять, куда лодка двигается, было невозможно – никакого бурунчика у перископа не наблюдалось.

– Трындец! – выдохнул Скопин с побледневшим лицом. – Ща вмажемся!

С крыла мостика буквально на глазок по левой леерной стойке прикинули, проорав, что «пеленг медленно, но уходит в сторону от борта!». Подтвердить пеленг на репитере гирокомпаса сигнальщики не успевали.

На перископе, видимо, всё же углядели – что же, чёрт побери, на них надвигается, и лодка камнем пошла на глубину. Перископ пропал под водой буквально за 150 метров от корабля.

Но оставалась ещё опасность задеть её днищем.

Не сдержавшись, Терентьев выскочил на крыло мостика. Вода была пронзительно свежая и прозрачная, и можно было легко рассмотреть хвостовую часть корпуса субмарины, погружавшейся в каких-то двадцати метрах от борта крейсера.

– Чем заряжена третья «вертушка»? – с лёту бросил командир, вернувшись в рубку.

– Буи и глубинные.

– Экипажу выдать расчётное место субмарины и приказ на атаку! Стоп машина! БИП – расчет по цели. Ввести данные в РБУ. Внимание по кораблю. Атака! Доклад акустиков!

«Камову» с курсового сектора до места последнего обнаружения подлодки – 15 секунд. С крейсера субмарину «вели», быстро рассчитав элементы движения цели, выдавая данные по каналу управляющей системы. В верности выхода на точку сомнений не было, и «вертушка» с ходу уронила две глубинные бомбы, тут же отваливая. Потому что откатившийся по инерции уже метров на триста крейсер произвёл залп из кормовых РБУ, вздыбливая поверхность океана вдогон первых двух пенных выбросов.

– Есть поражение! – возбуждённо репетовал старпом. – «Кусты» докладывают, что слышат характерные звуки лопающегося железа[6 - «Куст» – акустик (флотский жаргон).].

– Памяти погибшего «Курска» – посвящается! – думая, что его никто не слышит, пробормотал штурман.

– Малый ход! Акустикам – внимание!

Акустики продолжали доносить информацию по атакованной субмарине, вплоть до распознанного удара о дно, пусть и не сильного из-за малой глубины. Затем были слышны скрипы, словно её слегка елозило по камням, какие-то всхлипы и вздохи травящего воздуха из отсеков.

– Там могут остаться уцелевшие, – предположил командир, блуждая улыбкой. Но сам же и обрезал: – Но это уже не наше дело.

Первую подлодку так и не просекли. Даже «глубинки» не кидали – куда? Вернулся один из «камовых» – кончилась горючка. Поиск продолжала машина № 37 майора Харебова. Но безрезультатно.

– Ход до полного! Нам тут оставаться не с руки. На полном ходу она за нами не погонится. Прикажи экипажу вертолёта продолжать прессовать субмарину, пока

мы гарантированно не отбежим. Старпом за старшего. Глядите в оба, вдруг здесь и третья тварь притаилась.

Терентьев отыскал взглядом штурмана, кивая тому головой, приглашая пройти к большой штурманской карте.

* * *

– Ну что, Виктор Алексеевич, просчитали нас коллеги из флота «юс нэви», будь они неладны!

– А подлодок-то у амеров до фигища, – произнёс штурман, разглядывая карту.

– Думаешь, следует ждать ещё любителей популять торпедами?

– А ведь наша дорожка идёт прямиком через Западно-Каролинскую котловину. Вот уж им там раздолье…

– Под термоклином, – мрачно согласился Терентьев.

– Слушай, но ведь они совсем сбрендили – что творят! У нас там осталось советское наследие – гюйс краснофлотский. Давай его поднимем, а то действительно, как пираты неизвестно чьей принадлежности.

– Да, – кивнул командир, – ещё больше запутаем. Я вот думаю, получив очередных люлей от нас – притопленную лодку, они совсем с катушек слетят.

– А давай рванём ближе к терводам Гвинеи, – кап-три быстро нашагал циркулем по карте, отмеряя расстояние, – с юга обогнём вот эту россыпь атоллов, блин, даже названия не указано. Пусть и зайдём во внутренние во?ды, но гвинейцы, думаю, не обидятся. И далее совсем прижимаясь к береговой полосе… а?

– Добро! Вряд ли амеры так далеко загадывали. Покумекай – я на мостик. Неспокойно мне.

Пёрл-Харбор

Информация стекалась хоть и оперативно, но всё ровно с некоторым запозданием. Особенно если это были сообщения по каналу СНЧ, растягивающему информационную составляющую по одной буковке в тридцать секунд. Пока обрабатывался пакет данных, полученных на сверхнизкой частоте, его догнали сведения из параллельных источников.

– Таким образом, всё говорит о том, что противнику не удалось нанести какие-то повреждения, – докладывал офицер отдела дешифровки. – «Бандит» ушёл от места боестолкновения со скоростью не менее тридцати узлов.

– От кого сообщение? – нетерпеливо спросил начальник штаба морских операций.

– Предварительно приняли короткую передачу в режиме СНЧ от USS «Cavalla». Сами понимаете, что шифровка не могла быть длинной. В данный момент субмарина вышла непосредственно на спутник и… сведения более чем неутешительные.

– Продолжайте, – поторопил адмирал.

– Командир подлодки не знает, что там произошло, но USS «Pollack» лежит на грунте на глубине примерно семидесяти метров. С ними удалось связаться по звукопроводной связи – имеют повреждения. Видимо, серьёзные. Самостоятельно всплыть не в состоянии. Имеют потери среди личного состава.

– Есть ещё подробности? Спутник?

– Снимки на обработке.

– Идите, – ровным голосом отпустил подчинённого адмирал, но барабанная дробь пальцами по столу выдала его взвинченное состояние. Едва за офицером закрылась дверь, хозяин кабинета приказал соединить его с TG-18 (авианосец «Карл Винсон» с эскортом).

Ждал минут пятнадцать, начиная нетерпеливо выводить карандашом на свободном листе всякие каракули. Наконец связь установили. На проводе был командующий тактической группы. Обменявшись короткими приветственными репликами, адмирал уточнил местонахождение соединения и высказал свою просьбу-приказ.

– У нас произошло неприятное происшествие в рамках операции «Vagrant». Ваше авиакрыло вполне уже может дотянуться до нужной точки координат.

– С лихвой.

– Следует послать авиаразведку и подготовить группу спасения для потерпевшей аварию ПЛ.

– Это то, о чём я подумал? – после недолгого раздумья спросил командующий TF-12.

– Да. Продолжайте действовать по схеме плана «А», но… всё серьёзно. Мы неожиданно несём потери.

– Если ситуация пойдёт не штатно – мои парни справятся.

Замес

– У нас гости! – с ходу выпалил старпом.

– Цель воздушная, групповая, высотная, курсом на корабль.

На фоне звенящего голоса оператора РЛС команда Терентьева прозвучала глухо:

– Приготовиться к отражению воздушной атаки.

– Берём на сопровождение или вообще?.. – решил уточнить старпом.

– Посмотрим, – и уточнил: – С подачей «высокого» на РЛС, приводы артустановок и ЗРК. Без включения.

Четвёрка истребителей-бомбардировщиков F-4 «Фантом» со снижением стремительно пронеслась строем пеленга по правому борту и ушла на разворот.

– Ты знаешь, – неуверенно, поджав губы, сказал штурман, опуская бинокль, – я, конечно, не особый спец по самолётам, но, по-моему, эти «фантомы» – палубники. То есть – не базовая авиация с Апры или с Субик-Бея. Где у них там… базируется авиация, не помню, если честно?

Командир и старпом с запозданием переглянулись, наконец, понимая, что имел в виду кап-три.

– Про нашу честь… – начал было Скопин.

– А я теперь и не сомневаюсь, – зло заострился лицом Терентьев. – АУГ!

– Возвращаются!

Самолёты чёрными мухами приближались с кормовых углов. Теперь это уже было похоже на атаку.

«Или имитацию?» – задался себе вопросом каждый, кто следил за четвёркой «фантомов».

Решение было за командиром. Взять самолёты на сопровождение, облучив РЛС УО (управления оружием)? Что однозначно вызовет срабатывание сигнализатора в кабине пилота с непредсказуемой реакцией.

Каким-то невольным напоминанием всплывало соглашение о предотвращении инцидентов на море и воздухе. Но оно было заключено между США и СССР. Последние события кричали о том, что амеры «Петю» к подписантам договора не причисляют.

Пока «фантомы» свои бортовые системы наведения не включали. Но что мешает им врубить их в самый последний момент и нанести удар?

Нервы, нервы. Люди на постах управления оружием держали пальцы на кнопках и тумблерах. А приказа не было. Установки ближнего ПВО «Кортик» замерли в ожидании, развернувшись в сторону приближающихся самолётов.

Однако «фантомы» разбились на пары и прошли с обоих бортов, по дистанции и высоте равнозначно – около пятисот метров. Затем две машины заложили разворот, вернулись и прошли впритирочку. Ревели нехило. При этом намеренно легли на крыло, показывая полные подвески. Заодно знаки и надписи на крыльях.

– «Юс нэви», – подтвердил штурман.

Другая пара, взмыв тысячи на четыре, блеснув крыльями, заложила большой разворот.

Затем палубники опять собрались в «четвёрку» и снова строем пеленга зашли уже с курсовых углов корабля, теперь включив бортовые радиолокационные прицелы. О чём сразу же доложил пост радиоэлектронного слежения. Это уже была откровенная провокация.

Старпом в немом вопросе посмотрел на командира.

– «Постучите» по ним «эрэлэской» «Кортика», – медленно проговорил Терентьев командиру БЧ-2.

В ответ один из «фантомов» отделился от группы, угрожающе ложась на боевой курс, с нулевым параметром (то есть строго с носа), продолжая облучать системой наведения.

– Взять на сопровождение. Готовность номер один.

И через секунды:

– Цель? – Командир адресовал вопрос непосредственно командиру БЧ-2.

– На постоянном сопровождении. Ведём, – отчитался тот как бы неуверенно. И уже более весомо подчеркнул: – Данные выработаны.

«Одиночка» ещё больше снизился, сокращая дистанцию. Уже хорошо было видно и без оптики. Небольшой излом крыльев вверх и увесистые чушки подвески пробуждали недавнюю память предков, чем-то напоминая Ю-87. Почти «лаптёжник».

Это было пологое пике. Дистанция стремительно подходила к границе применения зенитных ракет[7 - Минимальная дистанция поражения ЗУР комплекса «Кортик» – 1500 метров.].

– Он доиграется, – сквозь сжатые челюсти прошипел Скопин.

До цели уже чуть больше тысячи метров. И тут все увидели, что от самолёта отделилась чёрная точка.

Понеслось! Командир незамедлительно отдал команду на открытие огня. Завизжали две носовые спарки АК-630, за пять секунд суммарно выпустив полторы тысячи снарядов, с одновременным захватом на сопровождение цели номер два.

Ещё три секунды – достают малоразмерку-ракету, слетевшую с пилона «Фантома», но ох как! Фактически на критической, полукилометровой дистанции.

У F-4 срезало полкрыла, затем излохмаченная хвостовая часть вспыхнула, машина закувыркалась, теряя куски, рухнула в воду. Пилоты катапультироваться не успели.

Параллельно шёл доклад по «осиротевшей тройке» – от тех не укрылась катастрофа. Они разделились. Двое нарастили потолок, почти скрылись в синеве неба. Одинокий самолёт кружил ниже, в этот раз вырубив боевые системы, осторожно и выверенно воздерживаясь от курсовых направлений на корабль.

– Фиксируем интенсивный радиообмен, – не преминула донести служба радиоперехвата.

– Ещё бы, – мигом откликнулся командир без малейшей доли сарказма. Все понимали – дело более чем серьёзное.

До этого момента обстановка в рубке была так накалена, что возникшее маленькое затишье воспринялось едва ли не выдохом облегчения.

Терентьев, наконец, урвал минутку обозреть общую обстановку. Несмотря на цейтнот, старательный вахтенный не забывал делать записи в журнал, и командир теперь с интересом сверял время и положение корабля по его показаниям.

От места стычки с подлодками крейсер ушёл уже порядочно – миль на пятнадцать. Затем нарисовались «фантомы». Оказалось, что с момента прилёта самолётов и минувшей на одном дыхании скоротечной схватки прошло ещё целых полчаса. Это ещё пятнадцать пройденных миль.

Справа (примерно в 100 кабельтовых) маячила группа атоллов. Один островок даже кустился шапкой облаков, что говорило о высоком скальном образовании.

Крейсер как раз докатился до места падения самолёта, раздвигая носом расползающееся по воде керосиновое пятно. Посланные на осмотр матросы доложили, что «следов спасательных средств не обнаружено».

Облегчение от паузы истаяло, и время снова натягивалось пружиной взвода.

Пара «фантомов» по-прежнему занимала высоко эшелонированную позицию. «Одиночка», потерявший напарника, так и держался ниже, словно надеясь что-либо рассмотреть на поверхности океана.

– Что теперь они предпримут? – скорей риторически задался вопросом командир.

– Ждут приказа, – высказал вполне логичную версию Скопин, как сплёвывая, – со своей авиасвиноматки. А походный штаб АУГ в свою очередь теребит оперативно-тактический отдел на Пёрл-Харборе. А те пытаются донести ситуацию до стратегов в Пентагоне, которые оглядываются на директивы из администрации президента.

– Ну, ты и наплёл, – Терентьев даже не думал улыбаться. – Вообще, какого чёрта? Это точно не спланированная атака. Иначе бы эта тройка нас бы тоже забросала своим арсеналом.

– Не знаю.

Противник

У Фрэнка Херберта примерно так: «Иногда нужно показать, каким можешь быть бессердечным, чтобы лучше ценили твоё великодушие». Замечательно сказано! Однако всегда есть возможность примерить на себя ответный гнев. А этот… хм, кафтан пошит безразмерным, и поверьте, будет впору каждому.

Командир звена F-4 «brava» с авианосца «Карл Винсон» точно знал, что никто из его звена приказа на атаку не получал. Предполётный инструктаж и постановку задачи экипажи провели как обычно за 45 минут в «readi room». Через 15 минут заняли места в кабинах и после проверки матчасти и прочих сопутствующих взлёту процедур попарно взлетели.

Даже на инструктаже напутственное офицера штаба (целого полковника) «пощекотать русским нервы» было тут же регламентировано определёнными рамками, за которые старший лейтенант, возглавлявший вторую секцию[8 - Минимальная тактическая единица в ВВС США – секция (section), состоящая из двух самолётов.], не выходил, пока на пикировании не произвёл запуск ракеты.

«Возможно, имела место быть случайность или сбой в управлении оружием», – трезво предположил командир «brava». О чём лаконично и донёс оперативному офицеру.

Командир «brava», естественно, не знал обо всех планах (явных и скрытых) командования в свете операции «Vagrant». Более того, весь личный состав TG-18 (кроме самых высокопоставленных офицеров) даже не был осведомлён о роли русского крейсера в аварии USS «Pollack». Поэтому, несмотря на антагонизм к Советам и вполне по-военному агрессивный настрой («комми спуску давать нельзя»), лётчик честно признавал, что «Battlecruiser» по сути защищался.

Считал, что произошёл очередной инцидент на море и всё разрешится без каких-либо мрачных последствий. Хотя понимал, что не всё так просто с этим «Красным пиратом», судя по тому, как его обложили (а сверху много чего можно заметить) и какие силы флота США задействованы.

Подумал: «Не достаточно ли уже? наломали дров?» И приказал отключить системы наведения оружия. Пока. Потому что «русский» продолжал… нет, не пугать – нервировать своими ЗРК, облучая.

«Фантомы» звена «brava» выжрали горючку из дополнительных баков, перешли на основные и продолжали нарезать круги, ожидая дальнейших распоряжений.

Совсем иного уровня происходил обмен сообщениями в связке (как правильно угадал капитан 2-го ранга Скопин) оперативно-тактических штабов с непосредственными организаторами из Лэнгли и Пентагона.

Вторая неудача подряд вынудила пересмотреть планы. Вступали в силу запасные варианты, дорабатывались старые, выдвигались новые, которые вполне бы и реализовались, если бы не кардинальное изменение ситуации.

* * *

Недавнее докование с переборкой силовой установки позволяло DDG-16 «Joseph Strauss» (эсминцу 1963 года постройки) развивать паспортные 33 узла.

Командир эсминца постоянно поддерживал контакт со штабом флота, получая распоряжения и подробные, едва ли не пошаговые инструкции.

Очередная шифровка предписывала в установленное время прекратить сопровождение подопечного. Затем, пользуясь преимуществом в скорости, обойти на маршруте, прибыв в заданный квадрат. Далее, обеспечив взаимодействие с отрядом подводных лодок, определить свою позицию, укрывшись от локационного и визуального наблюдения за островами западной части архипелага Бисмарка.

Уже в 12:15 am эсминец занял исходное положение. Произошёл сеанс связи с подлодкой USS «Cavalla» типа «Стёджен». Наладить взаимосвязь со второй субмариной (USS «Pollack») не удалось.

В 14:30 am принял сообщение от USS «Cavalla»: «Установил акустический и визуальный контакт с объектом. Меняю дислокацию».

«Красного пирата» зажимали в клещи.

А потом что-то пошло не по плану.

Эсминец продолжал укрываться за группой атоллов, ожидая сигналов от ПЛ и «телеграмм» из штаба.

Затем в небе появилась четвёрка «фантомов».

Находясь в режиме радиомолчания, в радиорубке лишь слушали переговоры пилотов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Vagrant (англ.) – бродяга.

2

Эффективная площадь рассеивания.

3

Лей – лейтенант (флотский жаргон).

4

Из песни «Деревенский парень Федя» Лаэртского.

5

СПС – спецсвязь.

6

«Куст» – акустик (флотский жаргон).

7

Минимальная дистанция поражения ЗУР комплекса «Кортик» – 1500 метров.

8

Минимальная тактическая единица в ВВС США – секция (section), состоящая из двух самолётов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pletnev_aleksandr/kurs-na-proryv

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить